

**К ДИНАСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КАППАДОКИИ:
ЦАРСКИЙ ДОМ АРИАРАТИДОВ***

При наличии крайне ограниченного количества источников по истории эллинистической Каппадокии¹ изучение династической истории этого государства приобретает особо важное значение. Именно при обращении к данному предмету удается естественным путем свести воедино данные письменной традиции, эпиграфики и нумизматики, что помогает создать своего рода «каркас» остающейся во многом неясной политической истории страны. Разумеется, вполне самостоятельную ценность имеет и выяснение особенностей монархической формы правления в этом государстве, благодаря чему можно надеяться получить хотя бы приблизительное представление о синтезе и взаимодействии в каппадокийской государственности греко-македонских, иранских, местных анатолийских традиций. Такая работа отчасти уже проделана в содержательном исследовании канадского ученого Р. Салливана², но в нем анализируется только период I в. до н.э. – нач. I в. н.э., когда власть в Каппадокии перешла к представителям новой династии Ариобарзанидов. Представляется поэтому вполне логичным начать, что называется, *ab ovo*, обратившись к более раннему времени, когда власть в Каппадокии принадлежала царскому роду Ариаратидов. Отсюда вытекает главная задача данного исследования: синтезировать уже имеющиеся результаты, свести их воедино и создать целостную картину династической истории Каппадокии в IV–I вв. до н.э.³ При этом основное внимание будет уделяться институциональному, а не чисто событийному аспекту (который, несомненно, заслуживает отдельного внимания).

О ранней истории Каппадокии сведений крайне мало. Практически ничего неизвестно о существовавшем здесь до персидского завоева-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 05-01-01225а «Институты монархии в эллинском мире (V–I вв. до н.э.): эволюция, региональные особенности, атрибутика». В основу данной статьи лег доклад, представленный автором на XV Сергеевских чтениях в МГУ в феврале 2007 г. Приношу глубокую благодарность моим друзьям и коллегам к.и.н. И.А. Ладыхину, к.и.н. Э.В. Рунгу и к.и.н. Ю.Н. Кузьмину, сообщившим мне ценную информацию, которая была использована в работе над темой. Разумеется, все возможные ошибки и неточности в работе должны быть отнесены исключительно на мой счет.

¹ Основные письменные источники по исторической географии и этнической истории страны собраны и прокомментированы в весьма полезной работе: *Franck L. Sources classiques concernant la Cappadoce* // RHA. P., 1966. T. 78.

² *Sullivan R.D. The Dynasty of Cappadocia* // ANRW. 1980. T. 2. Bd. 7. Tl. 2. P. 1125–1168.

³ Отдельные аспекты этой темы рассмотрены в более ранних работах: *Panitschek P. Zu den genealogischen Konstruktionen der Dynastien von Pontos und Kappadokien* // RSA. 1987–1988. Vol. 17–18. S. 73–95; *Breglia Pulci Doria L. Diodoro e Ariarate V. Conflitti dinastici, tradizione e propaganda politica nella Cappadocia del II secolo A.C.* // PP. 1978. Vol. 33. P. 104–129; *Günther L.-M. Kappadokien, die seleukidische Heiratspolitik und die Rolle der Antiochis, Tochter Antiochos' I* // AMS. Bd. 16. Studien zum antiken Kleinasien III. Bonn, 1995. S. 47–61; *Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство*. М., 1996. С. 17–38; а также в некоторых исследованиях общего характера и работах по каппадокийской нумизматике (ссылки на них даются далее). В данной статье акцент будет делаться лишь на тех сторонах проблемы, которые не получили достаточной разработки. В частности, лишь беглое освещение получают вопрос о реальности притязаний Ариаратидов на родство с «семью персами», а также межгосударственный контекст династической истории Каппадокии.

ния государстве. Лишь недавно была высказана и, как кажется, довольно убедительно обоснована гипотеза об этнической принадлежности каппадокийцев – «левкосирийцев» греческих источников, которых, видимо, следует считать народом, родственным фригийцам и армянам⁴ (что в принципе могло бы объяснить присутствие в государственной организации эллинистической Каппадокии каких-либо элементов, не связанных ни с греко-македонской, ни с иранско-ахеменидской политическими традициями). Отмечается также, что и само название *Katpatuka*, зафиксированное в персидских документах, не может быть причислено к собственно иранским (как об этом говорит, например, Полибий – F. 90)⁵. Иноплеменное по отношению к коренному населению Каппадокии происхождение Ариаратидов, как представителей персидского аристократического рода, должно постоянно учитываться при анализе внутренней и внешней политики каппадокийских царей и используемых ими пропагандистских установок⁶.

Генеалогия Ариаратидов в том виде, как она изложена античными авторами (и Диодором прежде всего), несет на себе явные черты пропагандистской обработки. Когда же создана эта версия? Ранее исследователи нечасто задавались этим вопросом. Скорее всего, она была произведена при Ариарате V Филопаторе после переворота Ороферна⁷. Политическая ангажированность этой информации, разумеется, затрудняет работу с источниками и требует критического к ним отношения, но в то же время может дать представление о том, каковы были механизмы «конструирования» генеалогических связей, образов тех или иных представителей династии и трактовки критических событий в истории правящего дома этого государства. Обращает на себя внимание, в частности, что в развернутом рассказе Диодора речь нигде не идет о *satrapas* Каппадокии: создается впечатление, будто местные правители обладали царским статусом едва ли не с самого начала своего появления на исторической арене, притом что они возводили свое родословие как к «семи персам», так и к Ахеменидам. Эти неясные моменты необходимо учитывать при попытках состыковать конкретную информацию Диодора с «выжимкой» из недошедшей до нас части его труда, сделанной византийским хронистом Георгием Синкеллом: Καππαδοκῶν βασιλεῖς ζ χρόνους ρξ

⁴ Немировский А.А. Каппадокийцы и Каппадокия: к формированию этнополитической карты древней Анатолии // *Oriens*. 1999. № 6. С. 5–15.

⁵ *Franck L.* Op. cit. P. 9. Note. 1 – с литературой.

⁶ То же самое правомерно отмечено и для понтийской династии: *Макгинг Б.* На рубеже. Культура и история Понтийского царства // *ВДИ*. 1998. № 3. С. 106 (в данном отношении ирландский ученый оспаривает некоторые позиции П. Паничека, недооценивающего этот момент).

⁷ Ариарат V зарекомендовал себя последовательным филэллином, и поэтому логично предположить, что именно по его заказу придворные (= греческие) историки занимались изысканиями в области родословия его династии (ср. отчасти близкую ситуацию с историей Вифинии, где, вероятно, основы династической пропаганды закладывались в правление филэллина Никомеда I: *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб., 2005. С. 217, 481). Начавшееся в правление Ариарата IV обострение отношений с Понтом (Понтийская война 182–179 гг. до н.э.) требовало разработки пропагандистской программы, которую можно было бы противопоставить агрессивным притязаниям понтийских царей и которая была окончательно оформлена при его сыне. К тому же рассказ Диодора, как будет показано далее, явно необъективен по отношению к Ариарату Филопатору, чей образ описывается исключительно светлыми красками, а подробное повествование сицилийца о династии Ариаратидов, судя по всему, оканчивается как раз на правлении Ариарата V (XXXI.21.1; 22.1; 19a.1).

διάρκεια κατὰ τοὺτους ἤρξαντο τοὺς χρόνους, ὡς Διόδωρος (XXXI.19.9) γράφει – «Семь царей Каппадокии, <чье правление> длилось 160 лет, начали царствовать в это время, как пишет Диодор» (Syncr. P. 322.6–7 Mosshammer).

Пожалуй, самый ранний по времени формирования фрагмент истории династии изложен Полибием, причем, поскольку он содержит очевидные расхождения с «официальной» версией Диодора, можно считать, что он еще не был включен в оформившуюся позднее пропагандистскую схему. Полибий сообщает, что некий перс (имя его в рукописях не сохранилось) получил во владение Каппадокию за доблесть, проявленную им на охоте, когда он спас ото льва царя Артаксеркса (или кого-то другого из персидских царей) (F. 90). Эта информация вполне выдержана в духе иранской «героической» традиции⁸, но, тем не менее, она возводит начало династии к не столь уж раннему времени, максимум к V в. до н.э., что вряд ли могло устроить стремившихся повысить свой престиж Ариартидов⁹.

Этим обстоятельством, вероятно, и следует объяснить появление детализированной версии происхождения каппадокийского правящего дома, переданной Диодором. Сицилийский историк пишет: «Цари Каппадокии говорят, что они возводят свой род к Киру, <царствовавшему> у персов; утверждается также, что они – потомки одного из семи персов, убивших мага. Что до родства с Киром, то оно отсчитывается так. У Камбиза, отца Кира, была родная сестра по имени Атосса. У нее и царя Каппадокии Фарнака родился сын Галл¹⁰, у него – сын Смердис, у Смердиса – Артамн¹¹, а у того – Анафас, человек выдающегося мужества и смелости; он-то и был одним из семи персов¹². Таким образом они прослеживают родство с Киром и Анафасом, которому, как говорят, была за его мужество уступлена власть над Каппадокией, причем на условиях, что он не будет платить подати персам¹³. После его смерти ему наследовал его сын, носивший то же имя» (XXXI.19.1–2). Этот пассаж, несмотря на его очевидную пропагандистскую направленность, требует внимательного разбора¹⁴. Помимо того, Диодор, видимо, пользовался источни-

⁸ П. Бриан отмечает другие сходные примеры (*Briant P. Histoire de l'empire Perse de Cyrus à Alexandre*. P., 1996. P. 146). Аналогичные мотивы характерны для изложения биографии Митридата Ктиса и Митридата Евпатора (*McGing B.C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus*. Leiden, 1986. P. 43–44; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 123).

⁹ Предположение П. Паничека, согласно которому несохранившееся имя «некоего перса» следует восстанавливать как «Камисар» – имя отца Датама (*Panitschek P. Op. cit.* P. 88) – довольно сомнительно, поскольку Датам все-таки является фигурой, включенной в родовое древо Ариартидов искусственно (о чем см. далее).

¹⁰ Это имя остается непонятным; связь его с культом богини Ма, отождествлявшейся с Кибелой (жрецы ее святилища в Пессинунте именовались γάλλοι) (*Breglia Pulci Doria L.* P. 114–115. Note 34), представляется проблематичной.

¹¹ Не исключено, что это лицо может быть отождествлено с Ариарамном – сатрапом Каппадокии при Дарии I (по Ктесию) (*Breglia Pulci Doria L. Op. cit.* P. 113).

¹² О «семи персах» см.: *Breglia Pulci Doria L. Op. cit.* P. 114. Note. 30; *Briant P. Op. cit.* P. 119–121; 145–147 (причем французский ученый считает возможность отождествления Отана с Анафасом «в высшей степени гипотетичной», тогда как С.Ю. Сапрыкин сомнений в этом не выражает – Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 29–30).

¹³ Возможно, здесь подразумевается тот же эпизод, о котором рассказывает Полибий (*Briant P. Op. cit.* P. 146).

¹⁴ С.Ю. Сапрыкин, видимо, полностью принимает на веру версию Диодора, поскольку включает ее в генеалогическое древо понтийских и каппадокийских царей без каких-либо конкретных уточнений, хотя и не в том виде, как это должно следовать из источника; в частности, Атосса оказывается дочерью Кира Великого, а не его теткой, Смердис,

ком, в котором были допущены серьезные неточности (переписчиком?), которые невозможно объяснить пропагандистским характером данного родословия (это будет отмечено далее).

Прежде всего, разумеется, бросается в глаза «привязка» каппадокийских царей к Ахеменидам, однако выполнена она весьма небрежно. Отмечалось, что Ариаратиды оказываются с персидским царским родом во вторичном родстве – только через тетку Кира Атоссу, на которой женился «царь Каппадокии» Фарнак¹⁵. Личность последнего весьма загадочна: происхождение его не объясняется, но, видимо, он является «автохтонным» правителем, поскольку его царствование приходится на время до установления персидского господства над Каппадокией. При этом он носит имя из иранско-ахеменидского царского ономастикона. Пожалуй, дать сколько-нибудь убедительное объяснение этому пассажиру не удастся¹⁶.

Далее, кажется совершенно непонятным, каким образом возможно «растянуть» правление Анафаса-младшего в период от начала господства в Каппадокии его отца (кон. V в. до н.э.) и до гипотетического прихода к власти здесь Датама: ведь это более ста лет! Возможное разрешение этого противоречия будет предложено далее.

Диодор продолжает: «Когда после его (Анафаса – сына Анафаса, «одного из семи персов». – О. Г.) смерти осталось двое сыновей, Датам и Аримней, власть унаследовал Датам, муж, прославленный и в войне, и во всем остальном, что приличествует царю. Он вступил в борьбу с персами и пал в битве, блестяще сражаясь¹⁷. Царство унаследовал его сын Ариамн, у которого родились сыновья Ариарат и Голоферн; он умер после пятидесяти лет царствования, не совершив ничего достойного упоминания. Власть наследовал старший из его сыновей, Ариарат; о нем сообщается, что он отличался нежной любовью к брату и возвысил его до самых выдающихся постов. Он отправился на помощь к персам, когда те воевали с египтянами, и возвратился с великими почестями, пожалованными ему за доблесть персидским царем Охом. Умер он в своей отеческой земле, оставив сыновей Ариарата и Ариса. Брат же его, властвующий в Каппадокии, не имея законных наследников, усыновляет Ариарата, старшего сына своего брата» (XXXI.19.2–4).

Важная проблема, связанная с этим отрывком, касается места и роли Датама в истории Каппадокии. Включение его в генеалогическое древо каппадокийской династии обычно считается фиктивным¹⁸, однако как цель, так и средства этой манипуляции необходимо уточнить. Пожалуй, можно согласиться с Дж. Хорнблауэр, полагающей, что «компилятор

судя по схеме, состоял в браке с Артамном (? – О. Г.), а существование Анафаса-младшего проигнорировано без каких-либо оговорок: Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 37. При этом исследователь хотя и говорит о «полумифологическом» характере этой генеалогии (С. 38), все же полемизирует с мнением П. Паничека и Б. Макгинга, которые выражают сомнение в аутентичности сведений древних авторов о происхождении понтийской и каппадокийской династий от «семи персов» (С. 23–24). Наиболее подробно этот вопрос разобран в работе: Breglia Pulci Doria L. Op. cit. P. 110–117.

¹⁵ Panitschek P. Op. cit. S. 81.

¹⁶ В самых общих чертах можно согласиться с П. Паничком, полагающим, что Фарнак появился в генеалогии Ариаратидов для подчеркивания «национальной каппадокийской» политической традиции (ibid. S. 88).

¹⁷ Это сообщение приукрашивает образ Датама: как известно, он не погиб в битве, а был убит в результате покушения (Her. Dat. 11; Polyae. VII.29.1).

¹⁸ Fogazza G. Datame di Cappadocia // PP. 1972. Vol. 27. P. 130–131.

попытался связать Ариарата, реального основателя династии каппадокийских царей, со знаменитым историческим лицом Датамом посредством прямого родства¹⁹. Однако эту попытку трудно признать удачной. «Сын» Датама Ариамн – явно фиктивный персонаж²⁰: его пятидесятилетнее правление никак не укладывается в период между смертью Датама (ок. 360 г. до н.э.) и гибелью Ариарата (I) в 322 г. до н.э. (в возрасте 82 лет!). Имя его, однако, выбрано не случайно: оно находит соответствие в приводимом Ктесием имени сатрапа Каппадокии при Дарии I – Ариарамн²¹ (Ctes. FGrH. 688. Frag. 13), причем этот пассаж в последнее время оценивается как несущий в себе значительную долю историчности²². Связь Датама с собственно Каппадокией вообще довольно проблематична: как показал детально исследовавший его карьеру Д. Бинг, он был скорее сатрапом Киликии, а не Каппадокии, а последняя область могла быть дана ему Артаксерксом II в награду за активные действия по подавлению восстания²³. В дальнейшем Датам, судя по всему, в основном действовал в северных районах Малой Азии (т.е. в Понтийской, а не Великой Каппадокии), и едва ли есть достаточные основания полагать, что он сам или тем более его сын Сисин действительно мог считаться каппадокийским правителем, как это полагает Дж. Хорнблауэр²⁴. Что же касается «сына» Датама Ариамна, то он, скорее всего, по ошибке был перемещен переписчиком из того отрезка каппадокийской истории, который предшествует появлению на ее сцене Датама. В пользу этого свидетельствует, во-первых, близость имен Аримней и Ариамн²⁵, и, во-вторых, то, что Ариамн – «сын Ариарата» – умер, «не совершив ничего достойного упоминания» (μηδὲν ἔργον ἄξιον μνήμης πράξας): фраза, явно не вполне уместная в официальной генеалогии. Очевидно, автор – источник Диодора сам пребывал в некотором затруднении, пытаясь понять, почему о правлении этого персонажа ничего достоверного не известно.

Довольно неясная ситуация складывается и с Ариаратом, который обозначен в источнике как сын вышеупомянутого Ариамна и отец Ариарата (I). Из сообщения источника получается, что он действовал на стороне персидских властей, подавляя восстание египтян в кон. 340-х гг. до н.э. Разумеется, такой ход событий невероятен. Скорее всего, источник Диодора здесь вновь допускает ошибку, вводя в продолжительный период пребывания у власти в Каппадокии Ариарата I еще одного персонажа с таким же именем (что вполне возможно, если учесть длительность жизни и политической деятельности Ариарата I – Luc. *Macrob.* 13). Пожалуй, мы не ошибемся, если предположим, что в войне против египетских повстанцев участвовал уже сам Ариарат I: исходя из данных Лукиана, он должен был родиться в 404 г. до н.э., так что к указанному времени

¹⁹ Hornblower J. Hieronymos of Cardia. Oxf., 1981. P. 241.

²⁰ Ср.: Breglia Pulci Doria L. Op. cit. P. 116.

²¹ Диодор и в дальнейшем называет каппадокийского правителя III в. до н.э. Ариарамна Ариамном (XXXI.19.5).

²² Кошеленко Г.А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // ДГ. 1996–1997. М., 1999. С. 139–140.

²³ Bing J.D. Datames and Mazaeus: The Iconography of Revolt and Restoration in Cilicia // Historia. 1998. Bd. 47. Hft. 1. P. 49.

²⁴ Hornblower J. Op. cit. P. 241–242. Помимо того, что крайне сомнительной выглядит идентичность сына Датама с персом Сисином, упоминаемым Аррианом (*Anab.* I.25.3) и Курцием (III.7.11–15), остается неясным, для чего Ариаратидам могло понадобиться подчеркивать свое родство с правителем, сына которого они лишили власти.

²⁵ Что было отмечено Дж. Хорнблауэр: Op. cit. P. 241.

он уже миновал период своего акме. Под сомнение, таким образом, следует поставить и предполагаемый период правления Голоферна (Ороферна): для него просто не остается места²⁶.

Так почему же каппадокийские правители причислили Датама к своим предкам? Очевидно, им было выгодно ориентироваться на эту харизматическую фигуру для подчеркивания своих притязаний на власть в стране в противовес амбициям других представителей персидской знати, имевших определенные властные позиции в Каппадокии. К последним, в частности, может быть причислен сатрап Каппадокии и Ликаонии Митридат, занимавший этот пост во время похода десяти тысяч (Xen. *Anab.* VII.8.25). Его происхождение не вполне ясно, однако С.Ю. Сапрыкин полагает, что он был одним из родоначальников династии понтийских царей²⁷. Сходное мнение высказано Н. Секундой, полагающим, что персидские правители Киоса из рода Ариобарзанидов были «младшей ветвью каппадокийской династии Митридатидов, представители которой направились в новые земли на запад»²⁸. Если считать, что Митридат – сын Ариобарзана, убийца Датама (Her. *Dat.* 10–11), действительно был связан родством с домом будущих царей Понта, то становится понятным, на каком основании этот род мог предъявлять притязания на Каппадокию: устранив Датама, Митридат наверняка получил от Артаксеркса II вознаграждение (как это и было оговорено заранее – *Dat.* 10), каковое могло проявиться в даровании Митридату Каппадокии, оказавшейся после смерти Датама «вакантным местом». Если это было так, то детали каппадокийской генеалогической схемы оказываются вполне понятными: Ариаратиды подчеркивали законность своих прав на господство в сатрапии, апеллируя к родству (видимо, мнимому) с Датомом и одновременно полностью отказывая в таких правах конкурирующему роду Митридатидов/Ариобарзанидов (потомкам убийцы Датама), противостояние с которым сохраняло свою актуальность и в ахеменидское время, и в III–II вв. до н.э. Этот вывод довольно близок к построениям С.Ю. Сапрыкина, однако здесь он получен совсем иным путем.

Кроме того, нельзя упускать из вида сообщение Страбона, что «македоняне захватили Каппадокию уже разделенной персами на две сатрапии» (τὴν δὲ Καππαδοκίαν εἰς δύο σατραπείαν μερισθείσαν ὑπὸ τῶν Περσῶν παραλαβόντες Μακεδόνες – XII.1.4). Когда именно это разделение произошло, остается неясным²⁹, но сама такая мера открывала возможности для реализации властных притязаний различных персидских аристократических родов, и здесь было на что рассчитывать как Ариаратидам, так и Митридатидам. Не исключено, что к последним принадлежал и Митробузан, сатрап Каппадокии, погибший при Гранике (Arr. *Anab.* I.16.3).

Можно быть уверенными в том, что относительно достоверная история династии начинается с Ариарата I. Неясно, был ли он «узурпатором» власти в Каппадокии, как это полагает Дж. Хорнблауэр³⁰. Однако явно не случайным выглядит упоминание Диодора о «великих почестях»,

²⁶ Ср.: *Reinach Th.* Numismatique ancienne: Trois royaumes de l'Asie Mineure: Cappadoce, Bithynie, Pont. P., 1888. P. 9, где говорится об удвоении персонажа с таким именем – также брата Ариарата (так звали сыновей Ариарата IV).

²⁷ Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 30–34.

²⁸ Sekunda N. Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // *AchHist.* III. P. 181.

²⁹ См., например: *Reinach Th.* Op. cit. P. 9; 57; *Baumbach A.* Kleinasien unter Alexander dem Grossen. Jena, 1911. S. 58–59.

³⁰ Hornblower J. Op. cit. P. 242.

дарованных Ариарату за доблесть в борьбе против египтян. Возможно, именно с этой информацией следует связывать реальное утверждение в Каппадокии рода Ариаратидов: сатрапский пост мог быть пожалован Ариарату I за его верную службу царю (ср. с высказанным выше предположением о сути вознаграждения Артаксерксом II Митридата – убийцы Датама).

Во время похода Александра македонянам удалось достичь контроля только над южной частью страны³¹, Ариарат же, удалившись в Понтийскую Каппадокию, пребывал в положении независимого правителя вплоть до своей гибели в 322 г. до н.э.

О правлении Ариарата I не известно больше ничего кроме того, что он чеканил монету с легендой на арамейском языке. Его монетным двором была Газиура в Понтийской Каппадокии (и, возможно, Синопа)³²: южная часть страны пока что оставалась вне его контроля. И легенда, и сама стилистика монет³³ со всей очевидностью демонстрируют, что Ариарат воспринимал себя как представителя иранско-ахеменидской политической традиции, которую он намеревался отстаивать с оружием в руках. Не исключена его причастность к исчезновению из каппадокийской истории наместников Александра Сабикта (Arr. *Anab.* II.4.2) и Абистамена (Curt. III.4.1). Возможно, названные лица сменили друг друга на этом посту в течение 333–331 гг. до н.э., хотя не исключено, что античные авторы говорят об одном и том же человеке³⁴. Арриан сообщает, что каппадокийцы под началом некоего Ариака вошли в войско Дария III в битве при Гавгамелах (*Anab.* III.8.5); вероятно, их предводитель приходился родственником Ариарату I или даже его родным братом, если допустить возможность путаницы в источниках между именами Ариак и Арис.

О гибели Ариарата I довольно подробно рассказывает Диодор, ориентирующийся в данном случае на Гиеронима Кардийского. «...Пердикка вместе с царем Филиппом и царским войском выступил походом на Ариарата, правителя Каппадокии (Καππαδοκίας δυνάστην). Ведь тот, поскольку македоняне на него не обращали внимания, так как Александр пренебрег им из-за борьбы с Дарием и <из-за других> дел, получил достаточно времени, управляя Каппадокией. Поэтому он, собрав значительные денежные средства благодаря доходам³⁵, создал большое войско – частью местное, частью наемное. Вследствие этого, домогаясь царской власти, он был готов противостоять Пердикке, имея тридцать тысяч пехоты и пятнадцать тысяч конницы. Пердикка же, вступив с ним в сражение, победил его в битве и до четырех тысяч убил, а свыше пяти тысяч захватил в плен, и в том числе самого Ариарата. И его вместе со

³¹ О географическом аспекте событий см.: *Hornblower J.* Op. cit. P. 240; 242–243.

³² О возможном чекане Ариарата в Синопе см.: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 30. Прим. 42 (с литературой).

³³ См. наиболее подробно: *Simonetta B.* Rafronto tra alcuni stateri di Mazaeus a Tarsus e le dramme di Ariarathes I di Cappadocia // *Schweizer Münzblätter.* 1975. Hft. 100. P. 91–95. На реверсе монет Мазея, сатрапа Киликии (ок. 361 – ок. 333 гг. до н.э.), изображен лев, терзающий лань, а на драмах Ариарата – нападающий на лань грифон.

³⁴ *Berve H.* Das Alexanderreich auf der prosopographischen Grundlage. München, 1926. Bd. 1. S. 276. А. Босворт считает Сабикта каппадокийцем и предполагает, что он мог погибнуть в ходе персидского контрнаступления в Анатолии перед битвой при Иссе (*Bosworth A.B.* *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great.* Cambridge, 1988. P. 231).

³⁵ Быть может, этот пассаж означает, что Ариарат создал в подвластных ему землях какую-то фискальную систему?

всеми его родственниками он после истязаний распял» (XVIII.16.1–3). Несколько иначе сицилийский историк рассказывает об этих событиях в рамках «официальной» истории династии: «В это время Александр Македонский победил персов, а затем умер; и Пердикка, бывший тогда верховным военачальником, отправляет Эвмена наместником Каппадокии. Ариарат был разбит и пал в битве, а сама Каппадокия перешла к македонянам». Здесь вновь, как и в случае с Датомом, не акцентировано внимание на не вполне героических обстоятельствах гибели основателя династии. В то же время первая версия, восходящая к Гиерониму, нашла отражение и во многих других источниках (Arr. FGrH. 156. Frag. 1³⁶; Hist. succ. Alex. I.11; Luc. *Macrob.* 13; App. *Mithr.* 8; Plut. *Eum.* 3; Just. XIII.6.1–3)

Вопрос о формальном статусе Ариарата I во время его независимости, к сожалению, пока не может быть разрешен с достаточной надежностью. Античные авторы определяют его по-разному. Диодор говорит о нем то как о царе Каппадокии (Diod. XVIII. Praef. 1.25–26; ср.: Just. XIII.6.1; Plut. *Eum.* 3.2; Luc. *Macrob.* 13 – со ссылкой на Гиеронима), то как о династе, правящем в Каппадокии и стремящемся к царской власти (Каппαδοκίας δυνάστη... κυριεύων τῆς Καππαδοκίας... βασιλείας ἀντιποιοῦμενος), Аппиан с опорой на Гиеронима – как о правителе (Каппαδοκίας ἡγούμενον – *Mithr.* 8). Очевидно, каких-либо определенных выводов здесь сделать невозможно: как и во многих других случаях³⁷, словоупотребление древних историков здесь слишком расплывчато. Поэтому нет надежных оснований считать, будто Ариарат действительно мог провозгласить себя царем, опередив в этом отношении диадохов, хотя О. Мюллер весьма обоснованно замечает, что он действовал в общих чертах так же, как и они: его власть носила харизматический характер, строилась на богатстве и значительной военной силе³⁸ (и, можно добавить, складывалась она в пределах его наследственных владений).

После Ариарата I Каппадокией управлял сначала Эвмен (до своей гибели в 316 г. до н.э.), затем – Никанор, назначенный Антигоном Монофталмом (App. *Mithr.* 8), а после гибели последнего страна перешла под контроль Селевка I: Аппиан перечисляет Каппадокию в числе подчиненных Сотером областей (Каппαδοκίας τῆς Σελευκίδος λεγομένης – *Syr.* 55). К сожалению, о характере и продолжительности селевкидского контроля над Каппадокией практически ничего неизвестно.

Завершив рассказ о гибели Ариарата I, Диодор продолжает: «Ариарат, сын прежнего царя, потеряв в этом положении надежду, вместе с немногими <приближенными> удалился в Армению. Спустя немного времени, когда Эвмен и Пердикка погибли, а Антигон и Селевк были отвлечены <другими делами>, он, взяв войско у царя армян Ардоата, убил македонского стратега Аминту, а македонян быстро изгнал из страны и вновь приобрел отеческую державу» (XXXI.19.4).

Поскольку сообщаемая сицилийским историком информация довольно противоречива, существуют различные версии относительно времени победоносного возвращения Ариарата II в Каппадокию. Одна

³⁶ Здесь говорится о двух победах, одержанных Пердиккой.

³⁷ См. анализ употребления понятий δυνάστης и βασιλεύς Диодором: Kobes J. “Kleine Könige”. Untersuchungen zu den Lokaldynasten im hellenistischen Kleinasien (323–188 v. Chr). St. Katharinen, 1996. S. 7–24.

³⁸ Müller O. Antigonos Monophthalmos und “Das Jahr der Könige”. Bonn, 1973. S. 112–113.

из них относит это событие примерно к 266 г. до н.э., что связывается и с принятием представителями каппадокийской династии царского титула, исходя из данных Синкелла (при этом следует учитывать, что дата окончания правления Ариаратидов тогда еще была совершенно не выяснена)³⁹. В этом случае, однако, возникают трудноразрешимые проблемы с количеством царей – представителей каппадокийской династии: к семи, упоминаемым Синкеллом (причем и это число должно быть получено, как будет показано далее, в результате «вычитания» кого-то одного из ряда каппадокийских монархов, пребывавших на престоле в кон. III – нач. I в. до н.э.), будет необходимо прибавить еще двух: Ариарата II и его преемника Ариармна. Кроме того, несмотря на всю расплывчатость информации Диодора, в этом случае остается совершенно непонятным, к чему он упоминал в контексте возвращения Ариарата не только Эвмена, но даже и Антигона с Селевком, со времени смерти которых прошло уже несколько десятилетий. Наконец, как было показано в основательном исследовании немецкого антиковеда М. Шоттки, армянский царь Ардоат (Оронт) никак не мог находиться у власти в 260-х гг. до н.э.⁴⁰, что заставляет отказаться от этой версии.

Противоположное мнение основано как раз на упоминании Антигона Монофталма в связи с возвращением Ариарата в Каппадокию. Если считать, что Антигон еще был на тот момент жив, то следует полагать, что Аминта был именно его наместником в Каппадокии, а Ариарат одержал победу над ним до 301 г. до н.э.⁴¹ Эта точка зрения выглядит вполне логичной, но и у нее есть слабые места. В частности, остается неясным, когда Селевк смог бы установить контроль над Каппадокией, если Ариарат вернул себе отеческую державу уже к концу IV в. до н.э. (хотя, разумеется, нельзя исключать вероятность того, что «Каппадокией Селевкидой» называлась только часть – вероятно, южная – территории страны, подвластная Селевку Никатору)⁴². Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Ариарат II остается единственным из правителей каппадокийской династии, чьи монеты до сих пор не обнаружены⁴³; веро-

³⁹ *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Leipzig, 1925. Bd. 4. S. 671; *Bengtson H.* Die Strategie in der Hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht. München, 1943. Bd. 2. S. 77; см. также возврат к этой точке зрения в новой работе: *Grainger J.D.* A Seleucid Prosopography and Gazetteer. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 76.

⁴⁰ *Schottky M.* Media Atropatena und Gross-Amenien in hellenistischer Zeit. Bonn, 1989. S. 93–94; 99–100.

⁴¹ *Дройзен И.Г.* История эллинизма. М., 1890–1893. Т. 3. С. 57; *Cappadocia* / Ed. by *M. Sözen.* Istanbul, 1998. P. 199: здесь говорится о том, что Аминта, наместник Антигона, был разбит Ариаратом в долине Кызыл-Ирмака (Галиса), а позже армия Селевка потерпела поражение в южной Каппадокии, но Ариарат, несмотря на это, оставался в зависимости от Селевкидов; разумеется, в этом пассаже слишком много недоказуемых допущений. См. также: *Simonetta B.* The Coins of the Cappadocian Kings. Fribourg, 1977. P. 16; *Strobel K.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. Bd. 1. Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie der hellenistischen und römischen Kleinasien I. B., 1996. S. 210. Anm. 226. А. Мель полагает, что часть Каппадокии под управлением Ариарата II могла сохранять независимость по результатам раздела владений Антигона в 301 г. до н.э. (*Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. Lovanii, 1986. S. 213. Anm. 77).

⁴² По мнению А. Меля, Селевк мог получить восточную и юго-восточную части Каппадокии после раздела владений Антигона в 301 г. до н.э. (op. cit. S. 212–214). В течение некоторого времени в конце правления Селевка в Каппадокии чеканились его монеты (*Newell E.* The Coinage of the Western Seleucid Mints. N. Y., 1941. P. 239).

⁴³ Атрибуция ему бронзовой монеты с арамейской легендой Т. Рейнаком оспорена Б. Симонеттой (*The Coins...* P. 16).

ятно, он правил относительно недолго и поэтому не успел организовать собственный монетный чекан, а это заставляет усомниться в возможности его пребывания у власти уже с 301 г. до н.э.

Остается последняя возможность: возвращение Ариарата II в Каппадокию состоялось еще при жизни Селевка I (скорее всего, в самом конце ее), чья смерть и представляет собой *terminus ante quem* прихода Ариарата к власти⁴⁴. Вероятно, Ариарат умер приблизительно на рубеже 280-х – 270-х гг. до н.э. Согласно Диодору, «Из трех его сыновей унаследовал власть старший, Ариамн. Он, заключив брачный союз с Антиохом, прозванным Теосом, устроил брак его дочери Стратоники со своим старшим сыном Ариаратом. Будучи чрезвычайно чадолюбивым, он возложил диадему на своего сына и правил совместно с ним, разделив на равных все преимущества царской власти. По смерти отца Ариарат правит самостоятельно...» (XXXI.19.5–6). Ариарамн, судя по всему, пребывал у власти в течение довольно продолжительного времени. До нас дошли его бронзовые монеты, на которых приведена именно эта верная форма его имени⁴⁵. Начало правления Ариарамна с точностью определить невозможно; вероятно, он пришел к власти спустя какое-то время после гибели Селевка, поскольку при его отце, как было показано выше, последний диадох был еще жив⁴⁶.

Именно в правление Ариарамна произошло чрезвычайно важное событие, позволившее правителям Каппадокии добиться формально равного статуса с великими эллинистическими державами и прежде всего с Селевкидами. О. Мюллер справедливо замечает, что основанием для признания Ариаратидов царями послужило предшествующее усиление их государства⁴⁷, а случилось это в результате установления брачно-династических связей с сирийским царским домом (первый случай, когда нам оказывается известным имя супруги каппадокийского правителя!). Кроме Диодора, о данном событии сообщает также Евсевий (*Chron.* I. 251 Schoene): *Filios habuit (habebat) II: Seleukum cognomento Kalinikum, et Antigonom; filias II: ex Laodike Akhaei filia, quarum (e quibus) unam Mithridates, alteram vero Arathes uxores duxerunt*⁴⁸.

Вообще, вопрос о том, от какого события и даты ведется отсчет лет правления каппадокийской царской династии, представляет значительный интерес как с чисто фактологической точки зрения, так и в плане выяснения и реконструкции тех политико-правовых норм, которые использовались Ариаратидами для выравнивания своего статуса с македонскими владыками и могли быть восприняты другими представителями правящей элиты малоазийских государств. Прежде всего, недавно

⁴⁴ См.: Schottky M. Op. cit. P. 93–94.

⁴⁵ На аверсе монет изображен портрет Ариарамна в кожаном шлеме, на реверсе – всадник или конь, обращенные вправо; имя приведено без царского титула. На некоторых монетах указано место их чеканки – Тиана (Mørholm O. The Classification of Cappadocian Coins // NC. 1969. 7-th ser. Vol. 9. P. 21–23; Simonetta B. The Coins... P. 16–17. Pl. I. 3–8).

⁴⁶ Не исключено, что Ариарат II или Ариарамн одержал победу над стратегом Селевка Диодором (Trog. *Proleg.* 17); см. обоснование: Габелко О.А. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // ВДИ. 2005. № 3. С. 135. Прим. 28.

⁴⁷ Müller O. Op. cit. P. 127.

⁴⁸ «Сыновей имел (Антиох II) двух: Селевка, прозванного Калиником, и Антигона (под Антигоном подразумевается Антиох Гиеракс. – О. Г.); дочерей двух от Лаодики, дочери Ахея, из которых одну взяла в жены Митридат, другую Арат (т.е. Ариарат III Каппадокийский. – О. Г.).»

была предпринята попытка показать, что в информацию Диодора и Евсевия вкралась ошибка: замуж за Ариарата была выдана не дочь Антиоха Стратоника, а его одноименная *сестра*; дочь же царя была выдана замуж за сына Антигона Гоната – будущего царя Деметрия II Македонского (в сер. 250-х гг. до н.э.)⁴⁹. При таком допущении удастся легко устранить целый ряд остававшихся неразрешимыми до сих пор противоречий, связанных с брачно-династической политикой эллинистических государств.

В прежних работах считалось, что поводом к началу отсчета правления каппадокийских царей Георгием Синкеллом должно считаться возвращение Ариарата II в Каппадокию и изгнание им македонян из страны, что относилось к 260-м – 250-м гг. до н.э. (критика этого взгляда была дана выше). К. Прео отмечает, что Ариарат III провозгласил себя царем ок. 255 г. до н.э., после чего женился на сестре Селевка II⁵⁰, хотя причина и следствие здесь, видимо, перепутаны. Р. Биллоуз полагает, что Ариарат III одержал победу над галатами, что и дало ему повод провозгласить себя царем ок. 255 г. до н.э.⁵¹ (тем самым он мог явить прецедент к аналогичной акции Аттала I Пергамского). Развивает эту точку зрения М. Сартр, считающий, что Ариарат III мог одержать какую-то значимую военную победу, после чего Антиох II согласился выдать за него дочь и уступить ему Катаонию⁵². Наконец, А.С. Балахванцев совсем недавно высказал сходное предположение о том, что для Ариарата брак с представительницей царского дома Селевкидов не должен считаться предлогом для принятия царского титула после прихода к власти (прецедентов чему в истории эллинизма вроде бы не имеется); по его мнению, Ариарат III мог быть провозглашен царем в результате присоединения им Катаонии, как об этом говорит Страбон (XII.1.2) (причем военным путем), что соответствует как чисто иранским, так и общезеллинистическим представлениям о монархе – победоносном воине⁵³. Едва ли эти мнения убедительны, чему можно привести целый ряд доказательств.

Прежде всего, в источниках не существует никаких подтверждений тому, чтобы кто-то из правителей Каппадокии в 60-х – 50-х гг. III в. до н.э. одержал какую бы то ни было значительную военную победу (помимо изгнания македонян из страны, которое, однако, произошло значительно раньше). Еще более существенно другое: в Каппадокии в это время еще продолжал править Ариарамн, а его сын оставался лишь наследником престола. Данные Диодора, приведенные выше, однозначно свидетельствуют, что к моменту заключения своего брака Ариарат III ни в коей мере не мог считаться самостоятельной политической фигурой – скорее всего, по той простой причине, что он был еще довольно юным; тем более невероятно, чтобы он мог одержать какую-то важную военную победу (царский титул, как будет показано далее, фигурирует не на всех

⁴⁹ Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. О некоторых загадках династической истории эллинистических государств // SH. 2005. Вып. 5. С. 52–67.

⁵⁰ Preaux C. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romain de la Grèce (323–146 av. J.-C.). P., 1978. T. 1. P. 144.

⁵¹ Billows R.A. Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 107.

⁵² Sartre M. L'Anatolie hellénistique de l'Égée au Caucase (334–31 av. J.-C.). P., 2003. P. 73.

⁵³ Балахванцев А.С. Династии Митридатидов и Ариаратидов в свете новых исторических данных / Тезисы доклада на Седьмых Жебелевских чтениях в Санкт-Петербургском государственном университете // ВДИ. 2006. № 2. С. 226.

его монетах). Следует, вероятно, все же учитывать работу автора этих строк, в которой обосновывался тезис о том, что установление родства с Селевкидами было поводом для повышения статуса не только каппадокийских, но также понтийских и вифинских правителей⁵⁴, а поэтому сообщение Синкелла о продолжительности правления малоазийских династий следует воспринимать только в комплексе и никак иначе. Кроме того, используемая Страбонем терминология также свидетельствует в пользу традиционного предположения об особой роли брачно-династического союза между Каппадокией и Селевкидами. По словам географа, Ариарат III πρώτος προσαγορευθεὶς ὁ Καππαδοκῶν βασιλεύς (XII.1.2), а глагол προσαγορεύω, как было показано в специальном исследовании⁵⁵, чаще всего употребляется большинством античных авторов именно в тех случаях, когда речь идет о провозглашении царем лица, признанного некоей внешней силой или правовой инстанцией, чаще всего – Римом или другим более сильным государством⁵⁶. Кроме того, тот же Страбон указывает, что «македоняне... допустили, частью добровольно, частью против воли, превращение сатрапий (Великой и Понтийской Каппадокий. – О. Г.) в царства» (XII.1.1): видимо, под добровольным признанием царской власти подразумевается именно заключение брачно-династического альянса между Антиохом II и Ариаратом.

Тем не менее, в предположении М. Сартра имеется вполне рациональное зерно: нельзя исключать вероятности того, что Катаония отнюдь не была присоединена Ариаратом III к Каппадокии с помощью военной силы, а была дана в приданое, причитавшееся наследнику каппадокийского престола согласно договору о заключении брака с сестрой Антиоха Теоса Стратоникой⁵⁷. Следует обратить внимание на информацию о том, что заключение брака между сестрой Селевка II Каллиника и Митридатом II Понтийским сопровождалось передачей последнему в

⁵⁴ Габелко О.А. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Синкелла // ААе. 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 86–106.

⁵⁵ Габелко О.А. Акция воцарения в эллинистическом мире: анализ терминологии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Материалы Всероссийской науч. конф., Казань, 5–7 октября 2006 г. / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 398–401.

⁵⁶ См. наиболее показательные примеры: Strabo. XI.14.15 – о «повышении статуса» правителей Артаксия и Зариадра в Армении: προσθέμενοι Ῥωμαίοις καθ' αὐτοὺς ἐτάττοντο βασιλεῖς προσαγορευθέντες (думается, связь между переходом их на сторону Рима и провозглашением царями однозначна); с некоторой долей условности сюда же можно отнести Diod. XIX.90.5 – пророчество, данное Селевку Никатору: τὸν θεὸν προσαγορεύσαι Σέλευκον βασιλέα; XXXIII.28a.1 = Poseid. Frag. 124 о стремлении селевкидского узурпатора Трифона добиться признания у римского сената: προσαγορευθῆναι βασιλέα; Polyb. I.9.8 – о воцарении Гиерона в Сиракузах в 268 г. до н.э.: βασιλεῖς ὑπὸ πάντων προσαγορεύθη συμμάχων; XI.15.8 – о воцарении Агафокла в Сиракузах: βασιλεῖς προσαγορευόμενος. Диодор (XX.54.1; см. выше) и Плутарх (*Reg. et imper. apophthegm.* 22.1) применяют к Агафоклу глагол ἀναγορεύω, но Полибий может подразумевать здесь важную юридическую деталь – особую роль сиракузян в воцарении Агафокла (причем он мог и не считаться *de jure* царем самих Сиракуз; см. о сути проблемы: Попов А.И. Царская власть Агафокла Сиракузского // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Межвуз. сб. Уфа, 1990. С. 12–21); XXXI.33.4 – о поддержке римлянами Деметрия, претендовавшего на селевкидский престол в 161 г. до н.э.: ἐξεργάσατο βασιλεῖς ὑπ' αὐτῶν προσαγορευθῆναι; Plut. *De frat. amor.* 478a – о событиях в царстве Атталидов, где особо показательно сочетание глаголов ἀναγορεύθη в сообщении о воцарении Аттала после слухов об убийстве его брата Эвмена и προσηγορεύσειν для обозначения возведения им на престол Аттала III.

⁵⁷ Ср.: Will É. *Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.)*. Nancy, 1982. T. 1. P. 292; Grainger J.D. *Op. cit.* P. 67.

качестве приданого Великой Фригии (или ее части) (Just. XXXVIII.5.3)⁵⁸. Не исключено, что детали этого брачного договора в общих чертах повторяли схему более раннего соглашения между Сирийским царством и Каппадокией (коль скоро понтийским царем была воспринята система «отсчета лет царского статуса»), и потому допустимо предполагать, что Ариарат III получил Катаонию от Антиоха II при заключении брака с его сестрой. Судя по всему, Катаония пребывала в составе державы Селевка I в 286/285 г. до н.э., когда там расположилось войско Деметрия Полиоркета (Plut. *Dem.* 48), поэтому предположение о передаче этой области Антиохом Теосом четверть века спустя каппадокийским правителям не лишено вероятности. Разумеется, нельзя исключать возможность утери Катаонии Селевкидами во время кризиса после смерти Селевка Никатора или в период смут 230-х – 220-х гг. до н.э., когда в Каппадокии правил Ариарат III, но это никак не могло стать для него поводом к принятию царского титула: как тогда быть с данными Синкелла, который исчисляет продолжительность правления Каппадокийской династии в 160 лет? Даже если отсчитывать эти годы от 230 г. до н.э., когда, как обычно считается, Ариарат III начал править самостоятельно, то окончание правления династии придется на 70 г. до н.э., когда в Каппадокии уже заканчивался период длительного и неоднократно прерываемого правления Ариобарзана I Филоромея – родоначальника новой династии, с Ариаратидами никак не связанной.

По всем этим причинам следует безоговорочно присоединиться к мнению тех исследователей, которые убеждены, что именно установление брачно-династических связей между Селевкидами и Ариаратидами знаменовало признание последних македонскими династиями и привело к принятию царского титула Ариаратом (III)⁵⁹. Однако многие детали этого события остаются неясными. Видимо, брак между наследником каппадокийского престола и сестрой Антиоха II Теоса представлял собой достаточно сложную в юридическом отношении акцию, действительно не имевшую прецедентов в политической практике эллинистических государств. Это был первый пример брачного альянса между женщиной македонской царской крови (причем «основной», а не побочной ветви рода Селевкидов) и представителем «варварской» элиты, возглавлявшей уже реально независимое и сильное государство (в чем можно увидеть отличие от брака между Атталом – усыновленным племянником Филетера Пергамского, и Антиохидой⁶⁰). Тем самым был достигнут эффективный и, судя по всему, взаимовыгодный компромисс между правящими династиями «великого» и «малого» эллинистических государств. Что же касается формальной стороны заключения этого союза, то здесь нужно отметить следующее.

1. В основе его, вероятно, лежали македонского происхождения представления о сакросанктном характере царской власти, который мог

⁵⁸ См. об этом: *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 60–61 и прим. 66 (с литературой).

⁵⁹ Эту идею высказал еще Т. Рейнак: *Reinach Th.* Essai sur la numismatique des rois de Cappadoce // RN. 1887. 3 (4). P. 317–318; см. также: *Niese B.* Ariarathes (3) // RE. 1895. Bd. 2. Sp. 816; *Seibert J.* Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967. S. 56; 114; *Müller O.* Op. cit. S. 127; *Simonetta B.* The Coins... P. 16; *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique. Nancy, 1979. T. 1. P. 292; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 41–42.

⁶⁰ См. об этом альянсе: *Габелко О.Л.* Династическая история... С. 99–104.

быть унаследован посредством заключения брака с женщиной, принадлежащей к македонскому царскому роду⁶¹.

2. В соглашении между Антиохом II и Ариарамном, видимо, было недвусмысленно оговорено, что наследник каппадокийского престола, придя к власти, сразу принимает царский титул, хотя «отсчет лет царского статуса» начался непосредственно от момента его женитьбы на Стратонике.

3. Возможно, непосредственно по заключении этого альянса было достигнуто соглашение, что Ариарамн назначит Ариарата III своим соправителем, как об этом и сообщает Диодор. Разумеется, «детолюбие» Ариарата не может восприниматься в качестве реальной причины этой акции. Более того, мотивы, которыми мог руководствоваться Ариарамн, сицилийский историк трактует прямо противоположным образом. Ариарамн не был царем Каппадокии: его не причисляет к царям Синкелл, на монетах он изображен без диадемы и указания какого-либо титула. Поэтому «разделение на равных всех преимуществ царской власти» между Ариарамном и его сыном скорее следует понимать как стремление каппадокийского правителя «приобщиться» к новому, более высокому статусу, обретенному его наследником после женитьбы на Стратонике.

Известны серебряные тетрадрахмы Ариарата III с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ, а также бронзовые номиналы, на части из которых его имя помещено без царского титула⁶². Означает ли это, что он стал именоваться βασιλεύς только в последней части своего правления, как это полагает Б. Симонетта?⁶³ Такой вывод совсем не обязателен. Скорее, в этом следует видеть как раз результат соправительства Ариарата с его отцом. Первоначально (видимо, вплоть до смерти Ариарамна) оба правителя чеканили монету без царского титула, причем, очевидно, на разных монетных дворах⁶⁴. С началом единоличного же правления Ариарат III уже неизменно указывает свой титул, причем немногочисленность таких монет может свидетельствовать об относительно недолгом времени его царствования; обычно его указывают как 230–220 гг. до н.э., хотя нижняя граница с точностью определена быть не может⁶⁵.

4. «Повышение статуса» каппадокийской династии нашло свое отражение в исторической традиции – вероятнее всего, в придворной ис-

⁶¹ Miron D. Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia // *AncSoc*. 2000. Vol. 30. P. 49–51; *Ладынин И.А.* Сюжет о рождении Александра Великого от змея: к вопросу о времени и исторических условиях его возникновения // *AAe*. 2005. Вып. 1. Эллинистический мир: единство многообразия. С. 37.

⁶² *Simonetta B.* The Coins... P. 19–20.

⁶³ *Ibid.* P. 20.

⁶⁴ Последнее предположение может быть подтверждено тем, что на многих монетах обоих правителей указано место их чекана – Тиана, а на одной из монет Ариарата помещена надпись ΜΟΡΙΜΑ – возможно, это название центра одной из стратегий Каппадокии, Моримены (Strabo. XII.1.4; 2.5; 9) (*Simonetta B.* The Coins... P. 20. Note 1). Указание монетных дворов в последующем на каппадокийских монетах не появляется. Попутно можно согласиться с Б. Симонеттой, полагающим, что буквы ΔΣ на монетах обоих правителей не могут трактоваться как сокращение титула «династ», т.к. на некоторых экземплярах они стоят в обратном порядке (*ibid.* P. 19. Note 1).

⁶⁵ Ариарамн упоминается Юстином (под именем Ариамена) как тесть Антиоха Гиеракса (XXVII. 3. 7–8) относительно незадолго до смерти последнего в 229/228 г. до н.э.; ср.: *Trog. Proleg.* 27. Брак Гиеракса с дочерью Ариарамна должен был состояться после 235 г. до н.э., когда Антиох женился на дочери Зизла Вифинского (*Габелко О.А.* История Вифинского царства. С. 222). Впрочем, поскольку Ариамен назван Юстином царем, можно теоретически допустить, что здесь подразумевается уже Ариарат III.

ториографии, данные которой каким-то образом сохранились в источниках Георгия Синкелла. При этом нужно отметить, что указанная система летоисчисления отнюдь не являлась династической эрой в полном смысле этого слова, подобной эрам Селевкидов, вифинских или понтийских царей; представляется адекватной характеристика ее как «отсчета лет царского статуса». Тем не менее, сам принцип ее утверждения оказался весьма актуальным для правителей других государств анатолийских царств, и она, не имея широкого распространения, продолжала функционировать вплоть до конца I в. до н.э., сосуществуя как с «нормальными» царскими эрами (Вифиния и Понт), так и с практикой датировки событий по годам правления того или иного царя. В целом же «повышение статуса» Ариаратидов представляет собой хороший пример осознания восточными правителями того факта, что одних только форм легитимации власти, восходящих к персидскому времени, было уже явно недостаточно⁶⁶: требовалось искать новые средства.

Необходимо подчеркнуть еще один момент, в котором проявилось значение брака Ариарата III и Стратоники. Их сын Ариарат IV принял почетное имя Евсевий (судя по монетам, сразу же по воцарении)⁶⁷, тогда как другие анатолийские монархи отстали в этом отношении более чем на полвека. Наконец, этот брак имел и четко выраженный внешнеполитический аспект, ознаменовав длительный период проселевкидской ориентации Каппадокии.

Согласно Диодору, Ариарат III, «уходя из жизни, оставил царство сыну, Ариарату, который был еще маленьким ребенком» (XXXI.19.6). Юстин сообщает, что «в Каппадокии царь сам передал власть своему сыну Ариарату, который был еще мальчиком» (XXIX.1.4). Здесь представляет интерес сама процедура передачи царской власти, о чем подробнее будет сказано далее. Благодаря Полибию известна дата воцарения Ариарата IV Евсевия – 220 г. до н.э. (IV.2.8). Можно высказать осторожное предположение, что Евсевий был не первым сыном Ариарата III и Стратоники, если он еще не вышел из детского возраста спустя примерно 40 лет после их брака⁶⁸.

Длительное правление Ариарата IV (220–163 гг. до н.э.) относительно неплохо документировано, помимо сообщений античных авторов, также эпиграфическими и нумизматическими материалами. Этот царь стал указывать на своих драмах и тетрадрамах годы своего правления. В своей внешнеполитической деятельности он строго придерживался курса, выгодного сирийским царям. Вполне закономерно, что в период его царствования при каппадокийском дворе начинают происходить смуты, вызванные стремлением проселевкидской группировки еще более усилить свое влияние. В этом проявилась оборотная сторона

⁶⁶ *Panitschek P.* Op. cit. S. 78.

⁶⁷ Почетное имя «Сотер» уже носил к тому времени Аттал I Пергамский, и в этом можно видеть проявление все той же тенденции, согласно которой родственные связи того или иного правителя с Селевкидами имели определяющее значение для его официального государственного статуса, подчеркивавшегося в том числе и посредством тронных эпитетов.

⁶⁸ *Габелко О.А., Кузьмин Ю.Н.* Указ. соч. С. 60–61. Прим. 33. Впрочем, самые ранние монеты Ариарата IV (если они верно атрибутированы Б. Симонеттой, в чем нет полной уверенности – см., например: *Mørholm O.* Some Cappadocian Problems // NC. 7-th ser. 1962. Vol. 2. P. 407–408), датированные 5-м годом его правления, несут на себе портрет молодого человека, но не подростка (*Simonetta B.* The Coins... P. 21–23. Pl. II.1). Так что античные авторы, возможно, несколько преуменьшили возраст Ариарата IV.

выгод, приобретенных в результате установления брачно-династических связей с одним из сильнейших государств тогдашнего мира⁶⁹.

Женой Ариарата Евсевия стала Антиохида – дочь Антиоха III (App. Syr. 5; Zon. IX.18.7); этот брак состоялся около 195 г. до н.э., когда сирийский царь начал вести подготовку к войне против Рима и стремился привлечь на свою сторону соседние государства в качестве союзников⁷⁰. Наиболее подробную информацию о заключении этого альянса опять же сообщает Диодор: «(Ариарат IV) женился на дочери Антиоха, прозванного Великим, по имени Антиохида – женщине чрезвычайно коварной. Она, не имея детей, выдала за своих сыновей двух мальчиков, Ариарата и Голоферна, тогда как муж ее об этом не знал. Спустя некоторое время природа позволила ей неожиданно родить двух дочерей и одного сына, названного Митридатом. После этого, объявив мужу, что <Ариарат и Голоферн> являются подставными, она устроила так, что старший сын был отправлен с соответствующим содержанием в Рим⁷¹, а младший – в Ионию⁷², чтобы они не оспаривали царство и родного <ее сына>. Он, возмужав, как говорят, переименовал свое имя на Ариарат, получил греческое воспитание и в остальном был удостоиваем похвалы за свои достоинства» (XXXI.19.7).

Это сообщение, несмотря на свою обстоятельность, в последнее время считается фальсифицированным: переданная здесь ситуация (существование двух «подставных» сыновей царя при полном его неведении о том) выглядит слишком маловероятной и к тому же идеально соответствующей интересам Митридата – Ариарата (V), самого младшего из братьев, получившего, несмотря на это, право на престол⁷³. Скорее всего, Ариарат V, вернув себе власть в 159 г. до н.э., после узурпации Ороферна, позаботился о том, чтобы представить своего конкурента незаконнорожденным и закрепить это в династической традиции⁷⁴. Вероятно, вражда между братьями возникла оттого, что старшие пользовались поддержкой

⁶⁹ Многие аспекты этой проблемы рассмотрены в основательной статье: *Günther L.-M.* Op. cit.

⁷⁰ *Seibert J.* Op. cit. S. 54–55; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 48–50.

⁷¹ О его прибытии в Рим вместе с посольством отца в 172 г. до н.э. упоминает Ливий (XLII.19.3–6), причем царевич назван здесь «мальчиком» (*puer*).

⁷² Вероятно, в Приену, как показывают дальнейшие отношения Ороферна с этим полисом. Придя к власти, он поместил на хранение в приенский храм Афины 400 талантов, которые приенцы отказались выдать его брату (Polyb. XXXIII.6.1–2; 9; Diod. XXXI.32). Сохранилось письмо Ороферна приенцам (RS. 63) и еще один очень фрагментарно сохранившийся декрет, возможно, в честь его послов в этот город (IvPriene 90); именно в Приене были обнаружены все известные на сегодняшний день шесть тетрадрахм с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΟΡΟΦΕΡΝΟΥ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ (*Simonetta B.* The Coins... P. 28–29. Pl. III.10). См. более подробно: *Габелко О.А.* Монархии, полисы, племена: международные отношения в эллинистической Малой Азии // МОДА. 2002. Ч. 2. С. 162–163.

⁷³ *Müller H.* Königin Stratonike, Tochter des Königs Ariarathes // *Chiron*. 1991. Bd. 21. S. 408; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 52. Д. Огден не выносит определенного суждения по данному вопросу (*Ogden D.* Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea, 1999. P. 140) – очевидно, потому, что признание этого сообщения плодом пропаганды Ариарата V плохо вписывается в его концепцию «амфиметрических кризисов», согласно которой жестокие раздоры из-за царской власти между родными братьями в эпоху эллинизма были крайне редкими.

⁷⁴ Показательно, что во время кратковременного царствования Ороферна в Каппадокии население страны могло выражать недовольство тем, что он был распутен и внес в страну чуждые ионийские нравы (Polyb. XXXII.25.1), а также его поборами с населения страны (Diod. XXXI.32.1), но обвинений в незаконнорожденности против него вроде бы не выдвигалось

матери, а младший – отца⁷⁵. Не сумев добиться реализации своих планов, Антиохида вернулась в Сирию, а Митридат, поскольку его старшие братья покинули Каппадокию (и, вероятно, в соответствии с желанием Ариарата Евсевия), сменив имя, занял каппадокийский престол⁷⁶.

Необходимо попытаться определить возраст детей Ариарата Евсевия. Здесь может оказаться полезным лишь одно свидетельство: декрет совета и народа Коса в честь каппадокийской царской четы⁷⁷. В этой надписи бесспорно читается имя царицы Антиокиды (сткк. 17, 20), что позволяет восстановить в связи с ним и имя ее супруга, царя Ариарата (сткк. 16, 19). Упоминание в едином контексте καὶ τοῖς τέκνοις αὐτῶν καὶ τοῖς φίλοις καὶ ταῖς δυνάμεσιν (сткк. 20–21) позволяет заключить, что, во-первых, у каппадокийских монархов к моменту выполнения надписи уже были дети и, во-вторых, что поводом для вынесения постановления послужили военные успехи Ариарата в каком-то конфликте. С ним, скорее всего, можно отождествить Понтийскую войну 182–179 гг. до н.э., в которой Ариарат Евсевий совместно с Эвменом II Пергамским и Прусием II Вифинским выступил против Фарнака I⁷⁸. Кто же из детей каппадокийской царской четы мог подразумеваться в надписи? Видимо, сюда могли входить все сыновья и дочери Ариарата и Антиокиды, причем все они считались легитимными⁷⁹. Если это так, то можно высказать осторожное предположение, почему младший из сыновей, родившихся в этом браке, был назван нетипичным для Ариаратидов именем Митридат. Нам, разумеется, остаются неясными военно-стратегические планы обеих сторон в ходе войны, но не подлежит сомнению, что борьба между Понтом и Каппадокией сопровождалась противостоянием в пропагандистской сфере⁸⁰. Если же в ходе войны Ариаратидами и Митридатидами действительно могли предъявляться притязания на престол соседнего государства, то в таком контексте появление имени Митридат в каппадокийском царском доме выглядит вполне закономерным: Ариарат IV, нарекая своего сына династическим именем «конкурирующего» рода, демонстрировал возможность заявить свои права на контроль над Понтом в случае успешного завершения войны.

После смерти Ариарата IV в 163 г. до н.э. царем, очевидно, в соответствии с его желанием, стал Митридат, сменивший имя на Ариарат и принявший тронное имя Филопатор (Diod. XXXI.21.1; Polyb. XXXI.14.1–

⁷⁵ Günther L.-M. Op. cit. S. 55. Ср. выразительную характеристику Антиокиды в пассаже Диодора: πανούργος μάστιγα (XXXI.19.7).

⁷⁶ Возможно, после того, как умер его старший брат, «первичный» Ариарат, отправленный в Рим, либо же просто получив право на престол и придя к власти (Günther L.-M. Op. cit. S. 52. Anm. 26).

⁷⁷ Pugliese-Caratelli G. La regina Antiochide di Cappadocia // PP. 1972. Vol. 27. P. 182–185; Piejko F. A Decree of Cos in Honor of the Cappadocian Royal Couple // PP. 1983. Vol. 38. P. 200–207.

⁷⁸ Piejko F. Op. cit. P. 202; Breglia Pulci Doria L. Op. cit. P. 108–109.

⁷⁹ Breglia Pulci Doria L. Op. cit. P. 109: если Митридат-Ариарат V был самым младшим из детей Ариарата Евсевия и Антиокиды, то он должен был родиться не позднее 182–179 гг., т.к. к моменту своего воцарения в 163 г. до н.э. и перемены имени он уже был «возмужавшим» (ἀνδρωθείς) (Diod. XXXI.19.7). Антиохида, по расчетам Х. Шмитта, родилась в 210-х гг. до н.э. (Schmitt H. Untersuchungen... S. 26–27), и, следовательно, к моменту замужества она была уже достаточно взрослой, а к кон. 180-х гг. до н.э. вполне могла родить пятерых детей.

⁸⁰ См. рассуждения об этом С.Ю. Сапрыкина (Понтийское царство. С. 70–73), который, впрочем, исходит из недоказуемых предположений о стремлении Фарнака восстановить «наследие Отанидов».

5). Однако вскоре он был свергнут Ороферном, вернувшимся из Ионии и захватившим престол при помощи сирийского царя Деметрия Сотера. В 159 г. до н.э. Ариарат Филопатор был восстановлен на троне усилиями Аттала II Пергамского⁸¹. Династическая распря между Ариаратом V и Ороферном – один из наиболее интересных эпизодов внутривосточной истории Каппадокии, имевший к тому же значительные отклики на международной арене и при этом относительно неплохо освещенный источниками. Она, вместе с тем, открыла в истории Каппадокии период практических непрерывных династических смут, заговоров и узурпаций власти.

Следует отметить ту роль, которую сыграли в династической истории эллинизма дочери Ариарата Евсевия и Антиохиды. Одна из них, Стратоника, была выдана замуж в 189/188 г. до н.э.⁸² за Эвмена II Пергамского и в дальнейшем была немаловажной фигурой в политике Атталидов II⁸³. О судьбе другой дочери известно гораздо меньше; неясным остается даже ее имя. Полибий сообщает, что спустя несколько месяцев после воцарения Ариарата V в 163 г. до н.э. она была убита в Антиохии вместе с матерью (вероятно, из-за происков Лисия – опекуна тогдашнего наследника сирийского престола Антиоха V), и останки ее и Антиохиды были вывезены в Мазаку и торжественно похоронены там Ариаратом (XXXI.17.1)⁸⁴.

Наконец, имеются основания считать, что у Ариарата IV был еще один сын – от другой жены или наложницы⁸⁵. Полибий, рассказывая о вифинско-пергамской войне 156–154 гг., сообщает, что зимой 155/154 г. до н.э. на помощь Атталу II прибыло войско Понта и Каппадокии, возглавляемое неким Деметрием, сыном царя Ариарата (XXXIII.12.1). Мог ли это быть сын тогдашнего монарха, Ариарата Филопатора? Это исключительно маловероятно: последний, как было показано выше, родился в кон. 180-х – нач. 170-х гг. до н.э., так что его сын, даже если он был рожден в очень раннем браке⁸⁶, еще никак не достиг бы возраста, в котором он был способен командовать войском⁸⁷. Интересно, однако, что в этом выявляется примечательная деталь в порядке именованности сыновей Ариарата IV: помимо имен, традиционных для дома Ариаратидов (Ариарат и Ороферн), они получили имена, появляющиеся примерно в эти же десятилетия у Селевкидов: Митридат⁸⁸ и Де-

⁸¹ Событийная сторона переворота Ороферна и его внешнеполитические отклики должны стать предметом специального исследования, ныне подготавливаемого к печати.

⁸² На тот момент, исходя из времени брака ее родителей, ей было не более 4 лет! Это обстоятельство вносит дополнительные сомнения в правильности того порядка, в котором перечисляются рождение детей Ариарата и Антиохиды: судя по всему, Стратоника была самой старшей из них.

⁸³ О ее браке с Эвменом см.: *Günther L.-M. Op. cit. S. 50–51*; о ее жизни в целом см.: *Müller H. Op. cit.*

⁸⁴ Л.-М. Гюнтер считает, что она не покинула Каппадокию вместе с матерью, а уже находилась в Антиохии до того, возможно, будучи женой Антиоха IV (*Günther L.-M. Op. cit. S. 53–55*). Это интересное предположение все же требует дополнительного обоснования.

⁸⁵ Необходимо, впрочем, отметить, что у нас нет сведений ни о полигамии, ни о конкубинате в истории Ариаратидов.

⁸⁶ Так полагает Л.-М. Гюнтер: *Günther L.-M. Op. cit. S. 59*.

⁸⁷ *Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. München, 1977. P. 77. Anm. 102.*

⁸⁸ Митридатом, вероятно, первоначально звали Антиоха IV; см.: *Mehl A. Zwischen West und Ost / Jenseits von West und Ost. Das Reich der Seleukiden // Zwischen West und Ost. Studien zur Geschichte des Seleukidenreichs / Hrsg. von K. Brodersen. Hamburg, 1999.*

метрий⁸⁹, редкие для обеих династий. Возможно, этим Ариарат Евсевий стремился подчеркнуть свою лояльность сирийским царям. Что же до его предполагаемого второго брака, если правы Я. Зайберт и Л.-М. Ханс, предполагающие, что Ариарат в какой-то момент развелся с Антиохидой, после чего она уехала обратно в Сирию⁹⁰, то остается достаточно времени и для второй женитьбы царя, и для рождения его сына Деметрия, который был бы достаточно взрослым к сер. 150-х гг. до н.э.

События, связанные с узурпацией Ороферна, ознаменовали окончание политического влияния Селевкидов в Каппадокии, поддерживаемого при помощи брачно-династических связей. Вопрос о происхождении супруги Ариарата V, к сожалению, остается открытым: в надписи OGIS. 352 сохранилось только ее имя – Ниса, тогда как патронимик восстановить не удастся. Л.-М. Гюнтер предположила, будто бы Ариарат Филопатор был женат на дочери Селевка IV, сестре Деметрия (в браке с которой у него родился упоминаемый Полибием сын). Информацию Диодора о том, что в 161/160 г. до н.э. послы Ариарата сообщили в Риме об отказе их царя от брачного союза и дружбы с Деметрием (ἀπορρήσις τοῦ γάμου καὶ φιλίας – XXXI.28) исследовательница предлагает понимать как демонстративный разрыв брака каппадокийского царя с этой женщиной⁹¹, что совершенно не выдерживает критики: Юстин недвусмысленно сообщает, что Деметрий враждебно относился к Ариарату за то, что «тот отверг брак с сестрой Деметрия» (XXXV.1.2)⁹². Очевидно, и в дальнейшем Ариарат вряд ли женился бы на представительнице сирийского царского рода, опасаясь вызвать неудовольствие сената; это заставляет предположить, что его брак обозначил переориентацию внешнеполитического курса Каппадокии. Не будет, вероятно, слишком смелым предположение о понтийском происхождении его жены. Это имя не было новым в понтийской династии: Нисой звали супругу Фарнака I (OGIS. 771), происходившей из рода Селевкидов, так что кто-то из ее потомков вполне мог носить такое же имя. Сближение Понта и Каппадокии проявилось, в частности, в отправке совместного войска на подмогу Атталу II в 155/154 г. до н.э. под общим командованием представителя каппадокийского царского дома Деметрия, а также в многозначительной фразе Аппиана, что Митридат V совершил вторжение в Каппадокию как в чужую страну (ὡς ἄλλοτρίαν τὴν Καππαδοκίαν ἐπέδραμεν – *Mithr.* 10): очевидно, предыдущий характер отношений между двумя царствами позволял считать их дружественными государствами (нужно отметить, что близость Великой и Понтийской Каппадокии чаще всего прослеживается античными авторами только на географическом уровне).

Ситуация, сложившаяся в Каппадокии после смерти Ариарата Филопатора ок. 130 г. до н.э. во время подавления восстания Аристоника не только вышла из-под контроля, но и создает впечатление явной «сре-

S. 20–26; *Ogden D.* Op. cit. P. 138–139. Кроме того, на выбор этого имени для сына Митридатом Евсевием могла повлиять ситуация Понтийской войны, о чем см. выше.

⁸⁹ Возможно, это имя было дано ему, поскольку его мать была связана с Антигонидами (*Helliesen J.M.* Demetrius I Soter: a Seleucid King with an Antigonid Name // *Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson.* Thessaloniki, 1981. P. 219–228).

⁹⁰ *Seibert J.* Op. cit. S. 115. Anm. 15; *Günther L.-M.* Op. cit. S. 51 (во второй половине 170-х гг. до н.э.).

⁹¹ *Günther L.-M.* Op. cit. S. 59.

⁹² Следовательно, в это время Ариарат еще не был женат, что сводит вероятность его отцовства по отношению к Деметрию, упоминаемого Полибием, практически к нулю.

жиссированности» очередного витка династического кризиса. Здесь и далее основным источником является Помпей Трог в сокращении Юстина. Он сообщает: «Лаодика⁹³ из шести сыновей, которых она родила от Ариарата, пятерых отравила из опасения, что ей, Лаодике, недолго придется управлять государством, так как несколько ее сыновей уже были подростками. Одного лишь мальчика бдительность родственников охраняла [от козней преступной матери]. Впоследствии, после убийства Лаодики (ибо народ убил ее за жестокость), ему одному [и] осталось все царство» (Just. XXXVII.1.4–5). Имеется уникальная монета, выпущенная от лица молодого царевича и его матери-регентши: на ней помещен их портрет с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΝΥΣΣΗΣ ΚΑΙ | ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΙΑΡΑΘΟΥ | ΕΠΦΑΝΟΥΣ ΤΟΥ ΥΙΟΥ⁹⁴. Продолжительность регентства Нисы, вероятно, охватывала несколько лет – ок. 130–125 гг., а Ариарат VI родился ок. 140 г. до н.э.⁹⁵

Воспользовавшись кризисом при каппадокийском дворе, в Каппадокию вторгся понтийский царь Митридат V Эвергет (2-я пол. 120-х гг. до н.э.?) (App. *Mithr.* 10). Хотя высказывалось предположение, что эта акция была предпринята для восстановления порядка в стране и предотвращения возможных смут в будущем⁹⁶, трудно избавиться от впечатления, что Эвергет с успехом воспользовался ситуацией в соседнем царстве, которая им же самим и была создана. Устранение всех возможных претендентов на престол, за исключением Ариарата VI, замуж за которого была выдана дочь Митридата V Лаодика (App. *Mithr.* 10), было чрезвычайно выгодным понтийскому царю, получившему возможность установить контроль над Каппадокией, не прибегая к прямому ее захвату⁹⁷. Разумеется, нет достаточно надежных оснований утверждать, что Ниса, которая могла происходить из понтийского царского дома, убила своих сыновей в соответствии с замыслом Митридата Эвергета, однако, если принять во внимание замечание Б. Макгинга, что Митридат VI в своей каппадокийской политике следовал примеру отца⁹⁸, то такое предположение не лишено вероятности.

Ариарат VI Эпифан Филопатор правил, судя по его монетам, до 116 г. до н.э.⁹⁹, когда он был убит неким Гордием – каппадокийским аристократом, «агентом влияния» Митридата Евпатора в стране (Just. XXXVIII.1.1; 6). Престол занял старший из его сыновей, Ариарат VII, ввиду своего еще детского возраста правивший сначала под ре-

⁹³ Юстин, как это нередко бывает у него, путает имена исторических лиц: жену Ариарата Филопатора звали Нисой, как об этом свидетельствуют и нумизматические, и эпиграфические материалы.

⁹⁴ *Simonetta B.* The Coins... P. 29. Pl. III. 11; *Mørholm O.* The Coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // *Schweizerische Numismatische Rundschau*. 1978. Bd. 57. P. 144; 146. Pl. 40,1.

⁹⁵ *Reinach Th.* Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890. P. 90, 476; *Mørholm O.* The Coinages of Ariarathes VI... P. 158–159. В источнике, кстати, не сказано прямо, что оставшийся в живых сын Нисы был самым младшим, как считают Б. Симонетта (The Coins... P. 30) и С.Ю. Сапрыкин (указ. соч. С. 100).

⁹⁶ *Glew D.* Mithridates Eupator and Rome: A Study of the Background of the First Mithridatic War // *Athenaeum*. 1977. Vol. 55. P. 388–390; *idem.* The Cappadocian Expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia // *ANSMusN*. 1987. Vol. 32. P. 27–28.

⁹⁷ *McGing B.C.* Op. cit. P. 38; *Сапрыкин С.Ю.* Указ. соч. С. 101.

⁹⁸ *McGing B.C.* Op. cit. P. 38, 75, 82.

⁹⁹ *Simonetta B.* The Coins... P. 30–34; *Callataÿ F. de.* L'Histoire des guerres Mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 190–192.

гентством своей матери Лаодики – сестры Митридата (что отражено в его тронном эпитете Филометор)¹⁰⁰. Понтийский царь продолжал строить козни против своих племянников (у Ариарата Филометора были братья – Just. XXXVIII.1.1), хотя, по крайней мере в 102/101 г. до н.э., между ними не было открытой вражды (IDélos. 1576). В конце концов Митридат лично убил Ариарата во время переговоров (100 г. до н.э.) и возвел на каппадокийский престол своего восьмилетнего сына под именем Ариарата Евсевия Филопатора, регентом при котором был поставлен все тот же Гордий (Just. XXXVIII.1.7–10). Однако недовольные установлением фактически чужеземного господства и притеснениями, чинимыми наместниками (*praefectorum*) Митридата, каппадокийцы изгнали понтийских ставленников из страны и вызвали на царство из римской провинции Азии последнего представителя династии Ариаратидов – Ариарата VIII¹⁰¹. Он правил совсем недолго, был лишен трона Митридатом и вскоре умер (XXXVIII.2.2). Первоначально считалось, что на деле он вообще не сумел утвердиться на престоле и не чеканил собственной монеты, однако исследованиями Ф. де Каллатай¹⁰² было показано, что именно ему следует атрибутировать некоторые из монет, чеканенные от имени царя Ариарата Евсевия Филопатора (ок. 100 – ок. 98 г. до н.э.). Именно последнюю дату следует считать временем окончания правления Ариаратидов (тем самым отсчет лет их царского статуса приходится на 258 г. до н.э.). После смерти Ариарата VIII к власти в Каппадокии вновь вернулся Ариарат IX, а в 96 г. до н.э. царем был избран римский ставленник Ариобарзан I (Strabo. XII.2.11; Just. XXXVIII.2.8). В дальнейшем «наследие» Ариаратидов стало одним из элементов системы «династического управления» Рима в Малой Азии, хотя и довольно малозначительным; пожалуй, можно вспомнить претензии жреца Команы Ликомеда на происхождение от этого царского рода¹⁰³.

Итак, с воцарением Ариобарзана I история династии Ариаратидов завершилась. Однако целый ряд связанных с этим правящим домом проблем остается.

Прежде всего, начиная с принявшего царский титул Ариарата III и до прихода к власти Ариобарзана I, каппадокийский престол занимало не 7, как сообщает Синкелл, а 8 царей: Ариарат III (ок. 230–220 гг. до н.э.), Ариарат IV Евсевий (220–163 гг. до н.э.), Ариарат V Евсевий Филопатор (163–130 гг. до н.э.), Ороферн (161–159 гг. до н.э.), Ариарат VI Эпифан Филопатор (ок. 130 – ок. 116 гг. до н.э.), Ариарат VII Филометор (ок. 116–101 гг. до н.э.); Ариарат IX Евсевий Филопатор (ок. 100 – ок. 85 гг. до н.э., с перерывами), Ариарат VIII (ок. 100 – ок. 98 гг. до н.э.). К ним следовало бы добавить и царицу Нису (Лаодику по Юстину –

¹⁰⁰ О монетах Ариарата VII см.: *Simonetta B. The Coins...* P. 34–36; *Callataj F. de. L'Histoire des guerres Mithridatiques...* P. 192–195.

¹⁰¹ Можно не сомневаться, что при рождении он был назван иначе, но принял династическое имя при воцарении.

¹⁰² *Callataj F. de. Op. cit.* P. 195–200.

¹⁰³ См.: *Габелко О.А. К династической истории...* С. 90–93; ср.: *Ballesteros Pastor L. El santuario de Comana Póntica (apuntes para su historia) // Arys. Antigüedad: Religiones y Sociedades. 2000. Vol. 3. P. 147–149.* В более ранней работе (*Syme R. Lycomedes the Lord of Comana // Idem. Anatolica. Studies in Strabo / Ed. by A. Birley. Oxf., 1995. P. 166–174*) предлагается иная генеалогия этого персонажа: он считается потомком понтийских царей, что выглядит маловероятным.

XXXVIII.1.4), осуществлявшую регентство над малолетним сыном Ариаратом VI, а также, возможно, мать-регентшу Лаодику при Ариарате VII; впрочем, как показывает пример Понта, царицы-регентши, видимо, обычно не учитывались в династических списках¹⁰⁴. Очевидно, Синкелл вслед за Диодором также не берет в расчет одного из названных выше монархов. Кто бы это мог быть? Приходится выбирать между тремя возможностями: 1) Ороферн, поскольку он узурпировал власть у законного царя, своего брата Ариарата V; 2) Ариарат IX, так как он был сыном Митридата Евпатора и вообще не принадлежал к каппадокийскому царскому дому, хотя его отец и пытался создать видимость этого (Just. XXXVIII.2.5); 3) Ариарат VIII, правивший совсем недолго¹⁰⁵. Если считать, что официальная версия генеалогии Ариаратидов была сформулирована именно при Ариарате Филопаторе, а при его преемниках продолжена, то, вероятно, следует склониться в пользу первого варианта: этот царь явно не стал бы считать своего брата-соперника законным правителем. Тем самым в этом праве не отказано Ариарату IX – сыну Митридата Евпатора, и этот факт свидетельствует о близости династических традиций Понта и Каппадокии, имевших общие корни изначально и, помимо этого, пришедших в особо тесное соприкосновение во второй половине II в. до н.э. Не исключен, впрочем, и такой вариант, что Ариарат IX все-таки не должен быть внесен в список каппадокийских монархов.

Далее, необходимо остановиться на некоторых специфических чертах каппадокийской государственности, до сих пор не привлекавших должного внимания. Это, во-первых, неоднократно упоминаемая в источниках своеобразная практика разделения и передачи суверенной власти. Ариарат – отец Ариарата I (историчность которого, правда, как было показано выше, сомнительна), практически разделяет власть со своим братом Голоферном (Diod. XXXI.19.3); тот, в свою очередь, усыновляет племянника, не имея наследника (4). Ариарамн и Ариарат III правят совместно (6), что находит подтверждение и в нумизматических данных. Ариарат III оставляет власть своему преемнику (*ibid.*; Just. XXIX.1.4) – возможно, будучи уже достаточно пожилым. Наконец, не исключено, что и сам Ариарат IV намеревался передать власть младшему из своих сыновей еще при жизни¹⁰⁶.

¹⁰⁴ В историографии на основании анализа письменной традиции и тетрадрахм с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΛΑΟΔΙΚΗΣ (*Waddington W.H., Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. 2e éd. P., 1925. P. 13. № 8. Pl. I.14*) иногда говорится о двух таких случаях в истории Понта: регентстве Лаодики, сестры Фарнака I и Митридата IV и вдовы последнего, над наследником престола Митридатом V, и регентстве матери Митридата Евпатора (также Лаодики?) над его братом до прихода Евпатора к власти (см., например: *Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 89–90; 121–122 – с обзором литературы*). Реальным, кажется, все же выглядит только второй эпизод; см. аргументы: *Габелко О.Л. Критические заметки... С. 144–145. Георгий Синкелл, дважды сообщая о продолжительности правления десяти понтийских царей (P. 332.4–5; 378.30–32 Mosshammer), явно не принимает понтийских/ую регентш/у в расчет.*

¹⁰⁵ Б. Симонетта полагал, что он вовсе не сумел утвердиться на престоле (*Simonetta B. The Coins... P. 36*); но Ф. де Каллатай приписал именно ему чеканку некоторых монет (*Guerres Mithridatiques... P. 195–200*).

¹⁰⁶ *Niese B. Ariarathes (5). Sp. 818; Müller H. Op. cit. S. 408; Günther L.-M. Op. cit. S. 51–52. Anm. 22.* Не вызывает сомнений и причастность к драматическим событиям при дворе в Мазаке в 160-х гг. до н.э. группировок местной знати, придерживавшихся пропергамских и проселевкидских взглядов (*Günther L.-M. Op. cit. S. 54*), однако в этой ситуации вряд ли

Не исключено, что все эти эпизоды, акцентирующие «истинно родственные» отношения внутри правящего дома, были особо подчеркнуты в пропагандистской программе Ариарата V, с тем, чтобы показать «случайность» первого (из известных нам) жестокого династического кризиса, участником которого стал сам Ариарат Филопатор, и создать благоприятный «имидж» династии¹⁰⁷. Однако существует и восходящее к независимой традиции свидетельство о подобном же эпизоде, связанном уже с династией Ариобарзанидов. Так, сама процедура отречения от власти царствующего отца в пользу сына (передача диадемы в буквальном смысле слова) довольно подробно описана Валерием Максимом, рассказывающим о переходе власти от Ариобарзана I к Ариобарзану II в 63 г. до н.э. (V.7. ext. 2). Поскольку это происходило в присутствии Помпея, Р. Салливан полагает, что ведущую роль в данном случае сыграл внешнеполитический фактор – стремление римлян заменить старого царя, много раз терявшего престол и, судя по всему, имевшего сильную оппозицию своей власти внутри страны, на более выгодную фигуру¹⁰⁸. Однако в данном случае, видимо, вновь был пущен в действие определенный правовой механизм, регулирующий отношения внутри правящего дома еще при Ариаратидах.

И генезис, и самый смысл этой практики не вполне понятны. О собственно каппадокийских политических традициях, в которых могли корениться истоки подобных действий, нам ничего не известно. Можно предположить, что все эти действия были направлены на обеспечение нормальной передачи власти в условиях непрочности положения правящего дома (отсутствие прямого наследника у правящего монарха, угроза со стороны «конкурирующего» рода Митридатидов, претендующего на перехват контроля над Каппадокией еще при Ахеменидах, старость или болезнь царя и т.д.). Поэтому допустимо говорить скорее о ситуационном характере применения охарактеризованных выше приемов разделения и передачи власти, условия для применения которых складывались, к сожалению для каппадокийского правящего дома, слишком часто. Не случайным кажется и то обязательство, что наиболее жестокие династические кризисы в стране в конце II – нач. I в. до н.э. разгорались именно тогда, когда эти «защитные механизмы» активизировать не удавалось – вероятно, в результате их целенаправленной нейтрализации внешними противниками (понтийскими царями), опиравшимися в том числе и на «пятую колонну» внутри самого царства¹⁰⁹.

Показательно, что несколько сходный прецедент обнаруживается в политической практике Ахеменидов: Геродот сообщает, что у персов существовал обычай, согласно которому царь, отправляясь в поход, должен был назначить своего преемника, как это и произошло накануне смерти Дария I в 486 г. до н.э., когда полномочия монарха были переданы им Ксерксу (VII.2–4). Смысл этой акции очевиден: гарантировать нормаль-

можно думать о наличии у них «официальных» рычагов влияния на династическую политику Ариаратидов.

¹⁰⁷ Ср.: Müller H. Op. cit. S. 407.

¹⁰⁸ Sullivan R.D. Op. cit. P. 1137. При этом канадский ученый правомерно отмечает, что эта цель, сама по себе вполне логичная, не была достигнута.

¹⁰⁹ Впрочем, роль данной практики могла быть противоречивой. Так, к примеру, если Ариарат IV действительно намеревался передать престол младшему сыну в обход старших, то это стало одной из причин разгоревшегося после его смерти кризиса.

ную передачу власти в государстве в случае гибели царя на войне. Вероятно, Ариаратиды стремились следовать в данном отношении своим ахеменидским предшественникам.

Второй государственный институт неясного происхождения, игравший немаловажную роль в истории Каппадокии, – это наличие определенных властных полномочий у «народа каппадокийцев». Перечислим случаи их реализации в хронологическом порядке.

1) «После победы над Антиохом... римляне,... заключая договоры о дружбе и союзы с народностями и царями (καὶ φιλίαὶ καὶ συμμαχίαι ἐποιοῦντο πρὸς τε τὰ ἔθνη καὶ τοὺς βασιλέας),... всем прочим царям... оказали эту честь только лично, а царю Каппадокии – вместе с народом (τῷ δὲ Καππάδοκι καὶ αὐτῷ καὶ δὲ τῷ ἔθνει κοινῇ – Strabo. XII.2.11). Этот пассаж трактовался по-разному. Скорее всего, в нем под «народом» подразумевается именно каппадокийская знать¹¹⁰, и сложно полагать, что эта акция была проведена римлянами *ad hoc*, скорее, они должны были ориентироваться на уже существовавшие в Каппадокии институты.

2) Уже упоминавшаяся выше драматическая ситуация, сложившаяся в стране после убийства вдовой Ариарата V пятерых из ее сыновей (Just. XXXVII.1.4–5), также могла быть разрешена при вмешательстве каппадокийцев, убивших жестокую царицу и возведших на престол единственного оставшегося в живых из ее детей, будущего Ариарата VI¹¹¹.

3) Вслед за смертью последних представителей рода Ариаратидов римский сенат даровал Каппадокии «свободу»¹¹², от которой каппадокийцы отказались. После этого в стране состоялись выборы царя с помощью голосования, в результате чего страну возглавил Ариобарзан (Strabo. XII.2.11; Just. XXXVIII.2.8).

Вряд ли прав Л. Баллестерос Пастор, считающий, что, в отличие от Понтийского царства, где назначение наследника являлось исключительной прерогативой царя, в Каппадокии кандидатура нового царя *должна была* утверждаться народом¹¹³. Вышеперечисленные случаи не дают оснований говорить об обычной практике такого рода; скорее, иранско-каппадокийская знать могла вмешиваться в ход династических кри-

¹¹⁰ Reinach Th. Mithridate Eupator. P. 149; Sullivan R.D. Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto, 1990. P. 55; Mastrocinque A. Studi sulle guerre Mithridatiche. Stuttgart, 1999. P. 29. Nota 63. В пользу этого свидетельствует словоупотребление других источников: Полибий говорит о ἡγεμόνες в Каппадокии, которых созвал на пир Ариарат V (XXXI.17.1), Диодор – о почестях, оказанных им после воцарения «друзьям и тем, кто находился у власти» (τῶν τε φίλων καὶ τῶν ἐφ’ ἡγεμονίας τεταγμένων – XXXI.21.1), возможно, речь здесь идет об одних и тех же событиях. При этом Р. Фрай отмечает, что правители областей, сатрапы, представители местной знати, пребывавшие при дворце ахеменидского царя царей, могли быть сотрапезниками монарха, что считалось высочайшей честью (Hdt. V.24) (Фрай Р. Наследие Ирана. М., 2002. С. 139), так что и здесь, возможно, следует видеть проявление персидских традиций на каппадокийской почве. О царских сотрапезниках и советниках см.: Wiesehöfer J. Die “Freunde” und “Wohltäter” des Grosskönigs // Studio Iranica. 1980. Bd. 9. S. 7–21.

¹¹¹ Ballessteros Pastor L. El reino del Ponto // ΔΙΑΔΟΧΟΣ ΤΗΣ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. La figura del sucesor en la realeza helenística / Gerión Anejos. Serie de Monografías. Ed. V.A. Troncoso. Anejo IX. Madrid, 2005. P. 127.

¹¹² Р. Салливан полагал, что под «свободой» для каппадокийцев в данном случае могла подразумеваться автономия довольно немногочисленных греческих общин царства (Sullivan R.D. Near Eastern Royalty... P. 348. Note 33); но это кажется маловероятным.

¹¹³ Ballessteros Pastor L. El reino del Ponto. P. 127–128.

зисов лишь в поистине критических ситуациях (что, тем не менее, было каким-то образом формально оговорено), а, кроме того, она имела и некие «представительские права» в межгосударственных делах, никак с утверждением нового монарха не связанных. Допустимой представляется аналогия с полномочиями в управлении государством вифинской аристократии¹¹⁴, пафлагонцев¹¹⁵, а также, быть может, с существованием наряду с монархической властью неких органов государственного управления, связанных с традиционными аристократическими институтами в Македонии (в том числе, эллинистической)¹¹⁶. Такое положение вещей выглядит вполне объяснимым. Власть царей в Македонии, Вифинии, Каппадокии и Пафлагонии существенно отличалась по своей сути от власти Птолемеев и Селевкидов, носившей по преимуществу личный характер. Разумеется, и в Сирийском, и в Египетском царствах представители правящей элиты в моменты смут могли оказывать непосредственное влияние на ход событий, выдвигая одних претендентов на престол, устраняя других и т.д. Но это вмешательство не имело никакого правового обоснования¹¹⁷ и осуществлялось, как правило, силами армии или ближайшего окружения царя – то есть «придворного общества», тогда как в Македонии и названных государствах АЭК такие действия, видимо, являлись прерогативой господствующего «этно-класса» и имели некую легальную основу, восходящую к местным этнополитическим традициям¹¹⁸.

Не исключено, что и этот институт в структуре каппадокийской монархической власти имел иранско-ахеменидское происхождение. По Диодору, как отмечалось выше, потомок Кира Великого и предок каппадокийских царей Афанас был, якобы, в числе «семи персов», решавших судьбу Ахеменидской державы после устранения Бардии/Гау-

¹¹⁴ Габелко О.А. История Вифинского царства. С. 446–447.

¹¹⁵ События конца II в. до н.э., связанные с оккупацией страны Митридатом Евпатором и Никомедом Эвергетом и последующим назначением в качестве царя сына последнего (см. об этом: там же. С. 353–355; 368–369), дают основания предполагать активное участие в них пафлагонской аристократии.

¹¹⁶ Дискуссия о роли армии и народного собрания в Македонии имеет довольно длительную историю. Хотя ряд видных антиковедов (Р.М. Эррингтон, Ю. Борза и др.) отрицают наличие у них каких бы то ни было формальных прав, противоположные аргументы заслуживают внимания. Так, П. Бриан сформулировал теорию о существовании не только войскового, но и народного собрания македонян в раннеэллинистическую эпоху (*Briant P. Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'Assemblée Macédonienne*. P., 1973. P. 279–350). Во многих работах Н.Дж.Л. Хэммонда ключевой является идея о том, что с самых ранних времен македоняне были признанной частью Македонского государства. Он предполагает наличие в Македонии только войскового собрания, имевшего широкий набор судебных, финансовых и политических полномочий – вплоть до смещения царя; см., например: *Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions and History*. Oxf., 1989. *Passim* (хотя трактовка британским ученым термина *Μακεδόνες* почти всегда в политическом смысле вызывает возражения). На основании новых эпиграфических и нумизматических материалов идея о важной роли *Κοινὸν τῶν Μακεδόνων* при Антигониде развивается в последние годы М. Хадзопулосом: *Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. I. A Historical and Epigraphic Study*. Athens, 1996. P. 261–321.

¹¹⁷ См. наиболее отчетливо на примере державы Селевкидов: Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 10–12.

¹¹⁸ Исходя из общих соображений, можно допустить, что приобщение «народа каппадокийцев» к власти персидской династии осуществлялось путем браков представителей правящего рода с представительницами собственно каппадокийской знати, но это предположение, разумеется, сугубо умозрительно. Р. Фрай допускает возможность, что Ахемениды могли практиковать браки с представительницами эламской аристократии или каких-либо иных династий (Фрай Р. Указ. соч. С. 138), что могло создать прецедент и для Ариартидов.

маты/Смердиса. Хорошо известно, что заговор против этого правителя был делом рук персидской элиты, именовавшейся в Бехистунской надписи Дария I термином *kāra* («народ-войско»)¹¹⁹, и потому позволительно считать, что полумифический основатель каппадокийской династии «персонифицирует» в своем лице изначально персидскую, а затем и иранско-каппадокийскую аристократию, имевшую определенные властные полномочия. Это вполне соответствует традиционной концепции персидской царской власти, согласно которой царь считался практически *primus inter pares*, а его положение во многом зависело от поддержки его собственного рода, его личных сторонников и военной свиты¹²⁰. Как кажется, параллель Бехистунской надписи позволяет уточнить вывод об ахеменидских (причем, скорее даже своего рода «олигархических», нежели собственно монархических) корнях ряда черт политической традиции Каппадокии.

Уместным представляется, подводя итог исследования, еще раз провести сравнение между Каппадокийским и Понтийским царствами. Понтийские монархи тоже делали ставку на различные элементы собственно персидского наследия, поскольку в многоэтничном Понте какая-либо единая политико-правовая система, способная конкурировать с иранско-ахеменидской, попросту не сложилась (что ярче всего проявляется в версии об ахеменидском происхождении понтийских царей, известной уже Полибию)¹²¹. Однако при сопоставлении государственных традиций Понта и Каппадокии выясняется, что первые, пожалуй, в большей степени соответствовали собственно эллинистическим образцам: влияние ахеменидских традиций и институтов становится особенно ощутимым (или, по крайней мере, заметным для наших источников) только при Митридате Евпаторе, имевшем реальные основания претендовать на роль «царя царей». В Каппадокии сложилась несколько иная ситуация. Создается впечатление, что Ариаратиды, добившись равного статуса с Селевкидами посредством нестандартной политико-правовой акции, в дальнейшем начинают чрезмерно настойчиво подчеркивать свое родство с Ахеменидами, стремясь тем самым доказать свои преимущества перед понтийским царским домом. Цари Каппадокии оказа-

¹¹⁹ См., в частности, именно в рассказе об узурпации Гауматы и заговоре против него (DB. I): «Народ он так обманывал, говоря: “Я – Бардия, сын Кира, брат Камбиза”. Тогда весь народ взбунтовался...»; «Народ очень боялся, что он перебьет многих, кто прежде знал Бардию...»; «Я вернул народу [его] достоиние, скот, домашнюю челядь, фамильные владения, которые Гаумата-маг у него отнял» (перев. В.И. Абаева по изд.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2-х частях. Часть 2 / Под ред. акад. М.А. Коростовцева, д.и.н. И.С. Кацнельсона, проф. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 24–25); ср. несколько иной вариант перевода: Фрай Р. Указ. соч. С. 128–129.

¹²⁰ См. о роли и официальных полномочиях «народа-войска» в избрании царя: Фрай Р. Указ. соч. С. 136 со ссылкой на: Widengren G. The Sacral Kingship of Iran // Numen. Leiden, 1959. Suppl. 4. P. 242–257; ср.: Balcer J.M. Sparda on the Bitter Sea. Imperial Interaction in Western Anatolia. Chico, 1984. P. 152, где исследователь отмечает, что в число ближайшего окружения царя могли входить собственно персы, мидийцы, а также знать не-иранского происхождения. Последнее замечание особо важно, так как позволяет предполагать присутствие в составе «придворного общества» эллинистической Каппадокии не только персов, но и этнических каппадокийцев.

¹²¹ См. последние работы, в которых приведена достаточно полная историография проблемы: Højte J.M. The Date of the Alliance between Chersonesos and Pharnakes (IOSPE. I². 402) and its Implications // Chronology of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 B.C. Aarhus, 2003. P. 138–152; Габелко О.А. Критические заметки....

лись, образно говоря, в плену у прошлого: монархические институты, функционировавшие в Персидской державе и воспринятые ими, далеко не всегда становились адекватны условиям эллинистической эпохи, и в этом следует видеть одну из причин неустойчивости и уязвимости каппадокийской династии Ариаратидов, приведших ее к трагическому и кровавому финалу.

Итак, можно подытожить, что в структуре каппадокийской государственности обнаруживаются некоторые институты, связанные с иранско-ахеменидскими, или, с меньшей степенью вероятности, местными малоазийскими традициями. Вместе с тем, в брачно-династической политике Ариаратидов, в системе легализации их властного положения тоже прослеживается немало черт, роднящих Каппадокию с соседними государствами Анатолии. Это царство было также типичным государством «второго ранга» на арене межгосударственных отношений эллинистического мира и даже их малоазийском театре: не имея достаточных военно-политических ресурсов для стабильного проведения самостоятельного курса, Каппадокия оказывалась в зависимости от более сильных соседей, с правящими домами которых Ариаратиды устанавливали матримониальные связи: сначала – от Селевкидов, а затем – от понтийских царей.

OLEG L. GABELKO (KAZAN)

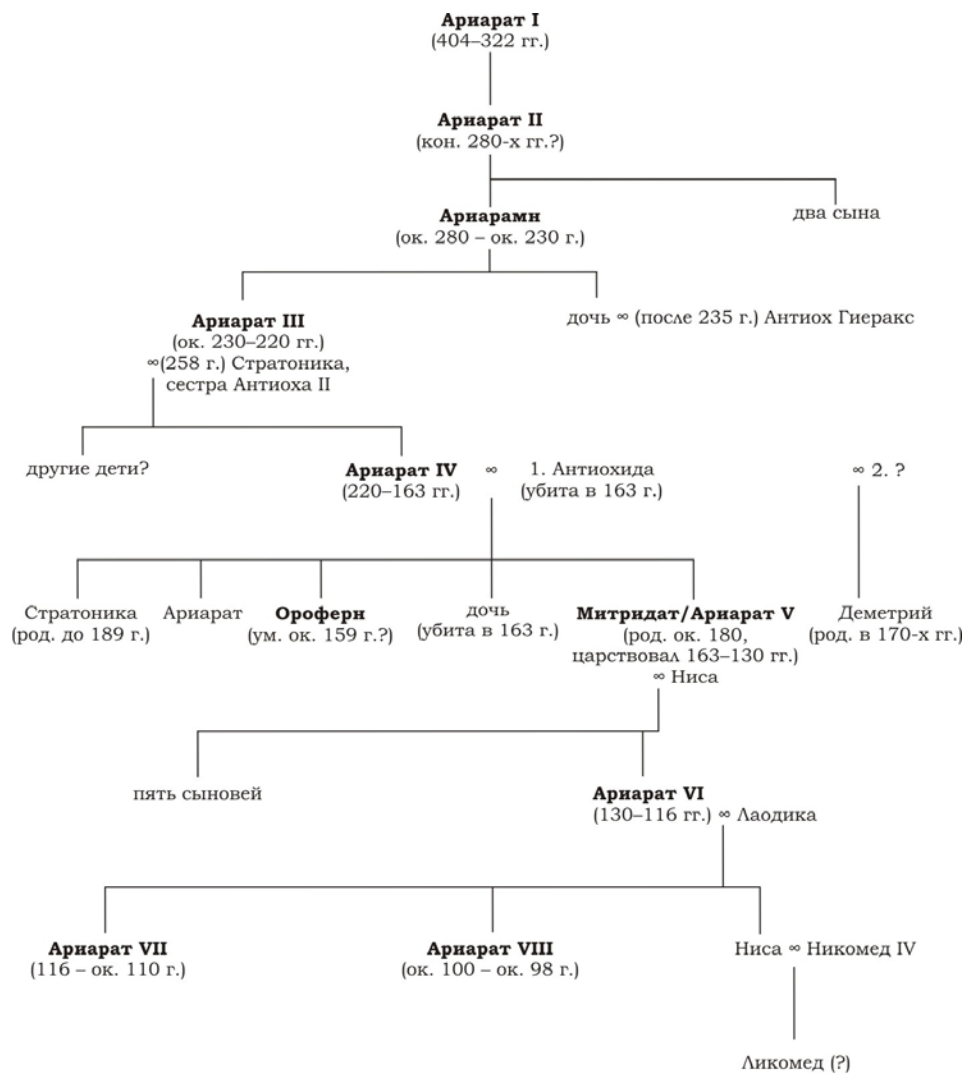
**ON DYNASTIC HISTORY OF HELLENISTIC CAPPADOCIA:
THE ROYAL HOUSE OF THE ARIARATHIDS**

The article analyses the dynastic history of the Cappadocian kingdom of the Ariarathids. On the basis of written sources (works by Diodorus Siculus, Polybius, Pompeius Trogus/Justin, etc), numismatic and epigraphic materials, the author makes the following conclusions:

1. “Official” geneology of Ariarathids, provided in XXXI book of Diodorus, was created under the reign of Ariarathes V Philopator and is partially biased (emphasises the origin of the Achaemenids and “seven persians”, the version of Ariarathes Philopator’s brothers birth), and is partially distorted due to mistakes in sources, used by Diodorus. However, it contains valuable information related to instruments, by which Ariarathids, Persians by origin, tried to legitimize their power in Cappadocia.

2. Ariarathes III (c. 230–220 B.C.) the first representative of the dynasty who got a royal title was entitled as a result of his marriage with a sister of The Seleucid king Aniochos II Theos (258 B.C.). Thus he launched a legal mechanism, allowing the Cappadocian royal house become equal in status to Syrian rulers and later be accepted by kings of Pontos and Bithynia.

3. Legal norms of Cappadocian royal power are most likely originated from Iranian-Achaemenids: first, a frequency of co-reigning and passing the throne at kings’ life to their previously appointed heirs; and second, an active involvement of local nobility “the people of the Cappadocians” into state affairs. These institutes, created to prevent dynastic crisis, did not always answer this need.

Генеалогическое древо кападокийской династии Ариаратидов
(к статье О.А. Габелко)